

eISSN 2311-2468
Том 3, № 16. 2015
Vol. 3, no. 16. 2015

электронное периодическое издание
для студентов и аспирантов

Огарёв-онлайн Ogarev-online

<https://journal.mrsu.ru>

ДУДЫРИН Д. С.

ТРЕБОВАНИЯ К ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ

Аннотация. В статье определяется теоретическое и прикладное значение правовой дефиниции как особого средства юридической техники. Приводятся примеры практического использования корректных и некорректных с точки зрения объема и содержания дефиниций действующего российского законодательства. Определены судебные подходы к разрешению юридических коллизий, сопряженных с использованием правовых дефиниций.

Ключевые слова: юридическая практика, правовая дефиниция, ошибка, дефектная правовая дефиниция, множественность дефиниций, полнота дефиниции, адекватность дефиниции, непротиворечивость дефиниции, логичность дефиниции, ясность дефиниции.

DUDYRIN D. S.

REQUIREMENTS TO LEGAL DEFINITION

Abstract. The article considers the theoretical and practical significance of legal definition as a special means of legal technique. The author gives examples of correct and incorrect legal definitions, considering the current Russian legislation. The study also deals with the judicial approaches to the resolution of legal collisions due to the use of legal definitions.

Keywords: legal practice, legal definition, error, defective legal definition, multiplicity of definitions, completeness of definition, adequacy of definition, consistency of definition, clarity of definition.

Правовые дефиниции, достаточно часто используемые в законодательстве, являются специфическим средством юридической техники, главное назначение которых – обеспечивать необходимую степень формализации самого права как государственного регулятора общественных отношений. Однако достичь данной цели непросто.

Как показывает практика правотворческой деятельности, разработка юридических определений проходит с большим трудом. Как совершенно верно заметили еще древние римляне, «любое юридическое определение несет в себе опасность» [9, с. 24]. Это можно объяснить тем, что неверное определение того или иного правового понятия может привести к нежелательным последствиям: нестыковкам в законодательном материале, неправильному толкованию и применению норм права и т.д. В дефиниции должны быть в общем и абстрактном виде представлены все особенности дефинируемого юридического понятия или иного феномена. Здесь нередко приходится наполнять конкретным юридическим смыслом термины, взятые из повседневной речи.

Представляя собой «четкое, лаконичное суждение законодателя о сущности правового явления, закрепляющее в обобщенном виде признаки той или иной правовой категории» [8, с. 64], дефиниция становится таким способом организации правовой материи, посредством которого государственная воля получает точное выражение, а зафиксированное в ней наличное правовое бытие будет являться частью сферы правового должествования. Их отсутствие – это несомненный недостаток правотворчества, неблагоприятно отражающийся на процессе правового регулирования. Результат же всего этого – путаница в понимании терминов, употребляемых в актах, использование одних и тех же терминов для обозначения разных понятий, их подмена и т.д.

Яркий пример такой ошибки в законодательстве можно найти в действующем Трудовом кодексе РФ, например, в ст. 64, где употребляется термин «деловые качества работника» без дефиниции к нему. В частности, в ней установлен запрет на необоснованный отказ в заключении трудового договора и косвенное либо прямое ограничение прав, либо преимуществ кроме случаев, в которых право или обязанность устанавливать такие ограничения или преимущества установлены федеральным законом, а также за исключением обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников. Однако, не зная, что именно представляют собой такие «деловые качества работника», мы не имеем возможности адекватно применить положения, вытекающие из смысла анализируемой статьи. Как итог, после введения Трудового кодекса РФ в действие, нерадивые работодатели получили лазейки для обхода закона, формально при этом не нарушая его. В затруднение попал и находящийся в сфере действия соответствующей нормы правоприменитель.

Впоследствии, данная проблема была решена. Названный выше пробел был восполнен Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». В п. 10 четко указано, что «под деловыми качествами работника следует, в частности, понимать способности физического лица выполнять определенную трудовую функцию с учетом имеющихся у него профессионально-квалификационных качеств (например, наличие определенной профессии, специальности, квалификации), личностных качеств работника (например, состояние здоровья, наличие определенного уровня образования, опыт работы по данной специальности, в данной отрасли)» [5].

В связи с этим можно выделить одно из основополагающих требований к правовой дефиниции – недопустимость существования в рамках системы различных дефиниций одного понятия, то есть необходимо придерживаться так называемого принципа «одно понятие – одно определение». Объяснение этому достаточно простое. По своей сути дефиниция должна обеспечивать единообразное понимание норм права не только

конкретного акта, но и всего законодательства в целом. Несоблюдение данного принципа означает создание ситуации неопределенности, в которой правоприменитель не сможет точно и четко понять, как ему поступать в каждом конкретном случае, так как в одной дефиниции излагается одно определение термина, в другой – совершенно иное. Не менее, а даже более, нежелательные последствия в этом случае грозят тем, на кого направлено содержание норм права, то есть на нас, законопослушных граждан (и не граждан), старающихся действовать согласно «букве закона».

Встречаются в законодательстве и ситуации множественного дефинирования одной и той же юридической категории. А. Ф. Черданцев в своей монографии «Логико-языковые феномены в юриспруденции» (М., 2012) обращает внимание на следующую ситуацию: в примечаниях к статьям гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» (ст. 171, 174, 177, 185, 188, 193, 194, 199) УК РФ дается определение оценочного термина «крупный размер» применительно к каждой разновидности преступления. Одиннадцать определений одного термина» [11, с. 95].

Однако далее он пишет, что «определяется именно термин путем указания на объем понятия «крупный ущерб», обозначаемого термином, без указания существенных признаков названного понятия. Дать общее понятие «крупный ущерб» применительно ко всем видам преступлений весьма затруднительно, все свелось бы снова к использованию оценочных терминов (понятий) и многословности» [11, с. 98]. То есть получается, что в данном случае так называемый плюрализм дефиниций вполне оправдан. Если было бы иначе, то это чрезмерно нагружало бы содержание нормативного акта.

А как излагаются дефиниции? Здесь следует отметить, что правовые акты должны иметь четкую систему отсылок к дефинициям, содержащимся в других актах. Решение вопроса о расположении дефиниции в структуре правового акта связано со значимостью соответствующего понятия в масштабе акта, то есть, с количеством норм, в которых это понятие используется. Достаточно актуален в связи с этим вопрос о технике изложения дефиниций и последующей работы с ними. Юридическая наука на данный момент выработала несколько вариантов размещения дефиниций в тексте закона. Они могут располагаться:

1. в виде отдельной статьи, объединяющей все понятия, используемые в нормативно-правовом акте и расположенной в его начале (так называемая статья-гlossарий);
2. в начале части или раздела, в котором содержится определяемое понятие;
3. непосредственно в тексте статьи, излагающей правовую норму;
4. комплексно, когда, несмотря на расшифровку термина первым либо вторым способом, их дефиниция дается и при упоминании в тексте;

5. постранично-ссылочно: в тексте нормативного акта делается отсылка на статью, пункт нормативного акта, где соответствующая дефиниция впервые употребляется [9, с. 185-186].

Рациональность использования того или иного способа в каждом конкретном случае напрямую связана с целью, задачами и объемом правового регулирования.

Однако, актуален вопрос о том, насколько допустимо помещать дефиниции основных понятий в преамбулу нормативного акта. Главная проблема, как ссылаться на них в правоприменительных актах? И как оценить их юридическую силу? Л.Ф. Апт признает допустимость подобного метода, поскольку в последующем «при проведении работ по инкорпорации гораздо проще удалить преамбулу с устаревшей терминологией, чем проектировать новую редакцию статей» [6, с. 309]. Однако, проблема устаревания дефиниций стоит значительно менее остро, чем проблема отставания правовых норм от потребностей практики. Дефиниции как раз представляют собой элементы законодательства, придающие ему устойчивость и стабильность. В их общем характере заложена потенциальная возможность приспосабливаться к меняющимся нормам, сохраняя свое действие на протяжении длительного времени. Поэтому вряд ли стоит «выбрасывать» их за рамки основного текста закона.

Дефиниции должны отражать только существенные признаки обобщаемых явлений. И каждый такой признак должен иметь правовое значение. В качестве примера рассмотрим ч. 1 ст. 14 УК РФ, в которой дается определение понятия «преступление». «Преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [3]. Как мы видим, в данном определении дается общее понятие о преступлении, включающее признаки, характерные для абсолютного любого преступления, а именно: деяние, общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость. То есть мы можем говорить о том, что ничего лишнего в данном определении нет. Оно, как множитель за скобками, характеризует специфику преступности деяния в целом, но применимо к любому акту преступной деятельности. Данная дефиниция имеет и перспективное значение: может использоваться в последующем при формулировании признаков любого нового состава преступления.

Дефиниции также должны быть полными. Полнота дефиниции выражается в ее способности отражать все сущностные черты дефинируемого понятия. Ни один значимый признак дефинируемого явления или факта не должен выпасть из поля зрения законодателя. Для примера обратимся к п. 1 ст. 48 ГК РФ, в котором дается понятие юридического лица: «Юридическим лицом признается организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по

своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». Данная дефиниция затронула все аспекты определяемого понятия, что очень важно, учитывая тот факт, что понятие юридического лица является одним из центральных понятий гражданского права, определяющим содержание и смысл всех его норм.

Следующее требование к дефиниции – адекватность, то есть ее объем должен совпадать с объемом определяемого понятия. Она должна быть лаконичной, в определенных случаях допускается ее сложносоставной характер, но при этом она должна оставаться применимой. Ярким примером может послужить определение понятия «местное самоуправление», которое дано в ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: «Местное самоуправление в Российской Федерации – форма осуществления народом своей власти, обеспечивающая в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» [4]. Несмотря на то, что с первого взгляда приведенная дефиниция покажется слишком громоздкой и сложной, она в полной мере выражает сущностные характеристики института местного самоуправления в нашем государстве, т.е. адекватна.

Дефиниция не должна содержать противоречивых суждений. В случае, когда каждый последующий признак отменяет предыдущий, дефиниция не пригодна для использования. В российском законодательстве примеров таких дефиниций нами не было найдено, поэтому чтобы проиллюстрировать данное высказывание, используем пример, приведенный Л. Е. Балашовым: «Чтоб добрым быть, я должен быть жесток» [7, с. 246].

Это наглядный пример парадокса, который может возникнуть при противоречии суждений. Для демонстрации положительного примера вновь обратимся к ФЗ от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в частности к ч. 1 ст. 2: «межселенная территория – территория, находящаяся вне границ поселений» [4].

Дефиниция не должна содержать термины, употребляемые в определяемом понятии, то есть не допускать тавтологии, иначе данная дефиниция будет лишь засорять нормативный акт своим присутствием и никакой пользы от нее не будет. Возьмем, к примеру, ч. 1 ст. 159

УК РФ, которая гласит «Мошенничество – хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Как мы видим, здесь законодатель не допускает тавтологии. Допустим, что это не так, и в дефиниции понятия «мошенничество» законодатель использует, как бы это не парадоксально звучало, понятие «мошенничество». К чему все это приведет? Возникает спорная ситуация в понятии не только данной нормы, но и всего уголовного права. И государственной власти, в конце концов, придется либо изменить данную статью, либо Конституционному Суду придется заняться данным вопросом, чтобы разрешить создавшуюся коллизию.

В заключение хотелось бы сказать, что значение дефиниций велико и именно поэтому существует необходимость в четком и неуклонном соблюдении определенных требований, предъявляемых к ним. И как отмечает Л. Н. Ушакова «на федеральном уровне, к сожалению, пока нет законодательного акта, в котором закреплялись бы правила законотворческой техники» [12, с. 195]. Для дефиниции, которая является одним из основных средств законотворческой техники, принятие подобного нормативного акта имело бы очень большое значение, так как это позволило бы упорядочить механизм ее формулирования, изложения и применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (1993) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федер. закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
5. О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2004. – № 6. – С. 2.
6. Апт Л. Ф. Правовые дефиниции в законодательстве // Проблемы юридической техники. – Н. Новгород, 2000. – С. 301–315.
7. Балашов Л. Е. Философия: учебник. – 2-я ред., с изм. и доп. – М., 2005. – 672 с.
8. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. – М.: Юрид. лит., 1976. – 118 с.

9. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
10. Сандевуар П. Введение в право. – М.: Интратэк-Р, 1994. – 324 с.
11. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 320 с.
12. Ушакова Л. Н. Дефиниции как нетипичное средство законодательной техники // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – №1(11). – С. 193–195.

ИСАЕВ И. И., УЗДИМАЕВА Н. И.

РОЛЬ ПРЕЗУМПЦИЙ В ПРАВЕ

Аннотация. В статье рассматривается понятие правовой презумпции. Определена роль презумпций в правотворческой сфере и правоприменении. Затрагивается вопрос о конкуренции презумпций, указаны основные сферы использования презумпции в современном российском праве.

Ключевые слова: презумпция, правовая презумпция, правовая конструкция, правовая действительность, конкуренция презумпций.

ISAEV I. I., UZDIMAIEVA N. I.

THE ROLE OF PRESUMPTIONS IN LAW

Abstract. The article considers the concept of legal presumption. The author studies the role of presumptions in lawmaking and law enforcement. The study also touches upon the competition of presumptions as well as the use of presumptions in the current Russian law.

Keywords: legal presumption, legal structure, legal reality, competition of presumptions.

Правовые презумпции изучались дореволюционными русскими юристами, в числе которых Д. И. Мейер, Т. М. Яблочков, В. М. Гордон, Е. В. Васьковский и др., которые называли их «закрытыми предположениями» [5, с. 187]. Презумптивными считались такие законодательные заключения, которые выдвигаются при наличии одних фактов для доказывания других. В советское время презумпции исследовали В. К. Бабаев, В. И. Каминская, А. Ф. Клейнман, В. А. Ойгензихт и др.

В современном праве изучение роли презумпций как особого рода правовых средств связано с их практически одинаковым пониманием большинством ученых, которые связывают целесообразность существования и использования презумпций не только на уровне правотворчества, но и в правоприменении.

Достаточно популярно такое понимание презумпции: «Презумпция – это закрепленное в нормах права предположение о наличии или отсутствии юридических фактов, основанное на связи между ними и фактами наличными и подтверждаемое предшествующим опытом» [9, с. 20].

По мнению Б. А. Булаевского, правовая презумпция – это закрепленное в законе правило, предполагающее наличие или отсутствие фактов до представления доказательств противного (опровержимая презумпция) или запрещающее их опровержение (неопровержимая презумпция) [4, с. 55]. Как видим, в данной формулировке суть презумпции конкретизируется применительно к обстоятельствам правоприменения.

Полагаем, данный подход Б. А. Булаевского заслуживает должного внимания. Он вполне объективен, поскольку презумпция используется, когда правоприменитель имеет возможность достоверного и правильного отыскания правовой нормы, подлежащей применению, и может, в то же время, в будущем установить какой-либо факт как соответствующий или не соответствующий правовой норме с некоторой степенью достоверности, тем самым порождая определенную связь с презумпцией, без которой невозможно осмысление того или иного явления особенно в юридической сфере. Правовая презумпция должна не только учитывать все реальные связи и зависимости, но и должна правильно отражать суть тех ситуаций, которые непосредственно находят в ней ее решение.

Презумпция – особая разновидность индуктивного умозаключения, являющегося одновременно результатом как теоретических размышлений, так и эмпирического анализа правовой жизни. Механизм их конструирования таков: наблюдая социально-юридическую реальность, совпадающую в разные моменты времени по своим основным параметрам, то есть оказываясь в одних и тех же условиях, приводящих к одинаковым последствиям, человек совершенно обоснованно предполагает, что в последующем при аналогичных условиях ситуация будет развиваться приблизительно также. Такого рода предположение, получившее правовую оболочку (закрепление в правовой норме) и есть презумпция. Именно предположительный характер – важнейший признак презумпции. Подтверждение или отрицание этого факта способствует установлению истины по делу.

Использование презумпций в праве необходимо, поскольку в ходе правоприменительной деятельности они облегчают достижение истины по делу, освобождая субъектов юридической практики от необходимости повторять одни и те же правоприменительные процессы. Что касается роли презумпций в установлении правового регулирования, а в частности, его единообразного понимания, то презумпции первостепенно служат организации гражданского общества и государства, стабильности правопорядка, а также направлены на защиту прав и свобод человека и гражданина. Презумпции помогают определить логичный и справедливый порядок доказывания обстоятельств дела путем распределения обязанности доказывания между участниками процесса. Разногласия в правовых презумпциях не следует понимать как опровержение истинности суждения, охватываемого ею. Только объективная оценка определенного явления правовой действительности может содержать как полную, так и вероятностную его характеристику.

Обратимся к вопросу о классификации правовых презумпций. Достаточно интересна в этом плане их градация на позитивные и негативные, которая проводится с учетом социальной значимости и сущности последних. К позитивным относят такие презумпции, которые содержат предположение о правомерности различных правовых поступков и

притязаний конкретных субъектов права. Очевидный пример здесь – презумпция невиновности (ч. 1 ст. 49 Конституции РФ).

Негативные же презумпции, наоборот, предполагают виновность того или иного субъекта как носителя конкретной обязанности. Например, при неисполнении или ненадлежащем исполнении условий какого-либо договора предполагается, что допустившее такую ситуацию лицо, действовало виновно.

Различают также фактические и законные презумпции. Фактические презумпции действуют без формально-юридического закрепления. Это, например, такие предположения, которые делает судья, по внутреннему убеждению, обобщая конкретные фактические обстоятельства и сопоставляя их друг с другом. Законные презумпции прямо или косвенно закреплены в действующем законодательстве. Например, в ст. ст. 49, 50 Семейного кодекса РФ закреплена презумпция отцовства.

С учетом сферы действия презумпции делятся на общеправовые (действуют во всех без исключения отраслях права) и отраслевые (действуют в рамках одной отрасли права).

Также разграничивают опровержимые и неопровержимые презумпции. Опровержимые презумпции в силу указания законодателя могут опровергаться (в некотором смысле – отрицаться). Неопровержимые презумпции – императивные нормативно-правовые предписания, которые по закону нельзя в ходе их использования опровергать никакими другими доказательствами [2, с. 22]. Проблема признания факта существования таких презумпций заключается в том, что неопровержимая презумпция утрачивает характер предположения.

К их числу можно отнести: презумпцию «неразумления» лиц, к примеру, лиц, не достигших возраста уголовной ответственности. В некоторых случаях данная презумпция в реальности может быть и опровергнута, хотя законом прямо это не разрешено. Как правило, на практике, данные случаи не распространены, нормативно-правовые акты государства все-таки направлены на единое правопонимание и должны обеспечивать создание максимальных условий для обеспечения гарантий охраны прав граждан. Простейшие, т.е. обычные презумпции, исходя из привычного понимания отражают нормальный ход современной действительности, и наиболее распространены в области уголовного и гражданского процесса.

Презумпции также делятся на материальные и процессуальные. Материальная презумпция содержит правило для разрешения дела по существу. Такое умозаключение позволяет сформулировать вывод о существовании определенного положения, установить конкретный факт или несколько фактов и связь между ними, если они имеют материально-правовое значение (например, факта смерти, наличия вины и т.д.).

Процессуальная презумпция – предположение о наличии одних фактов при доказанности других, освобождающее сторону от доказывания предполагаемого факта, как логический прием, позволяющий суду признать факт истинным без доказательств, как правило, предписывающее судебным органам считать факт существующим, если установлен другой факт. Процессуальная презумпция является основанием, исключающим необходимость представления доказательств для вынесения судебного решения или указывающим субъекта процесса, на которого возлагается бремя доказывания.

Процессуальными являются, например, презумпции беспристрастности суда и некоторых лиц, участвующих в судопроизводстве; презумпция пристрастности суда и некоторых лиц, участвующих в судопроизводстве; презумпция признания факта, для выяснения которого назначена экспертиза, установленным или опровергнутым, в случае уклонения стороны от участия в ней; презумпция истинности решения суда [7, с. 113].

Российскому правопорядку широко известны такие презумпции, которые могут быть моделированы таким образом, что их основу составляют достоверные данные, но могут и отражаться и другие предположения. Тем не менее их восприятие также может отражать презумпции. В таких ситуациях на первый план выходит такое свойство презумпций, как опровержимость [3, с. 177]. Опровержимое предположение может быть предопределено государством (т.е. публично-правовым образованием). При этом важно иметь в виду, такое условие, что беря во внимание любое предположение, основанное на достоверных фактах прошлого, оно может быть опровергнута как презумпция. Но такая формализованная модель, основанная на достоверных предположениях, может и взаимно трансформироваться по воле законодателя друг в друга. Таким образом, итог такого явления будет складываться, исходя из необходимой степени защиты, предназначенной для защиты как публичного, так и частного интереса.

При конкуренции различного рода презумпций между собой пределы действия презумпций (например, по кругу заинтересованных лиц, по регулируемому правоотношению и др.) зависят от правильного определения целей регулирования соответствующих отношений и специальных функций конкурирующих презумпций [4, с. 64].

Самые популярные общеправовые презумпции следующие: добропорядочности, неответственности, правомерности поведения, основанного на знании законов, истинности нормативно-правового акта и т.д. Рассмотрим некоторые из них.

Презумпция добропорядочности гражданина означает, что каждый человек, вступающий в правовые отношения с другими субъектами права, предполагается добропорядочным, действующим без дурных помыслов. Лицо считается добропорядочным,

если оно не совершает действий, наносящих вред другим людям и коллективам людей, не нарушает их интересов, а также интересов общества и государства.

Субъект, совершающий юридически значимые поступки, предполагается добропорядочным, если ведет себя правомерно (заключение договора, вступление в брак, трудовая деятельность и пр.). Если бы не было этой презумпции, в каждом конкретном случае пришлось бы проверять и доказывать факт добропорядочного поведения субъектов.

Презумпция знания закона (правознакомства) установлена с учетом того, что поскольку все государственные законы публикуются официально (данное правило закреплено в ч. 3 ст. 15 Конституции РФ), каждый имеет возможность ознакомиться с их содержанием и не должен нарушать. Поэтому уже в Древнем Риме использовалась формула: «Никто не может отговариваться незнанием закона». Современная формулировка звучит так: «Незнание закона не освобождает от ответственности за его нарушение».

Презумпция истинности нормативно-правового акта означает, что акт, принятый уполномоченными государственными органами и лицами, прежде всего законодательными, предполагается истинным. Нормативно-правовой акт считается истинным, если он адекватно отражает состояние отношений, являющихся предметом его правового регулирования, дает им правильную юридическую оценку; издан в пределах компетенции соответствующих органов и лиц и с соблюдением установленного порядка придания ему общеобязательной юридической силы; правильно оформлен и имеет корректную структурную организацию [7, с. 237]. Презумпция истинности нормативно-правового акта – условие обязательности этого акта для всех субъектов, которым он адресован.

Презумпция невиновности, согласно которой каждый гражданин предполагается честным, добропорядочным и ни в чем не виновным, пока не будет в установленном порядке доказано иное, причем бремя доказывания лежит на тех, кто обвиняет, а не на самом обвиняемом. Данное положение закреплено в международных пактах о правах человека, получило отражение в статье 49 российской Конституции [1].

О. А. Кузнецова, сферой научных изысканий которой являются гражданско-правовые презумпции, предложила не только собственное понятие презумпции гражданского права, но и сформулировала ее принципы [7, с. 152]. Исследуя системные принципы, она указала на так называемые основные (центральные, исходные) и субординированные к ним (частные) презумпции. По ее мнению, «исходными презумпциями гражданского права являются презумпции добросовестности, разумности, а также вины. Они имеют значение принципов гражданского права. Особенность этих презумпций в том, что они могут действовать непосредственно в тех случаях, когда в правоотношении имеют значение добросовестность, разумность или вина.

К примеру, презумпция вины является самой распространенной правовой конструкцией. Положенное в ее основу некое предположение является одинаковым для любых сфер применения самой презумпции. Вина есть обязательное условие для применения мер гражданско-правовой ответственности за нарушение договорных обязательств или в случае причинения вреда. Отсутствие вины доказывается лицом, нарушившим обязательство (ст. 401, 1064 ГК РФ).

Даже в рамках деликтных и договорных отношений конструкция презумпции вины одинакова. Отличаются лишь обстоятельства, учитываемые в качестве условий применения презумпции вины (причинение вреда либо нарушение договора – т.е. сама суть, вид правонарушения), и обстоятельства, учитываемые при ее опровержении в соответствующих отношениях (обусловленные особенностями правонарушения).

Гражданский кодекс РФ закрепляет *презумпцию разумности действий и добросовестности участников гражданских правоотношений* (ч. 3 ст. 10 ГК РФ). Однако это правило применяется только тогда, когда закон связывает защиту гражданских прав именно с соответствующим характером поведения участников гражданских правоотношений. Свое развитие эта презумпция получает в следующих статьях ГК. Например, в ст. 173 ГК РФ речь идет о недействительности сделки юридического лица, выходящей за пределы его правоспособности, которая, как показывает практика, может быть признана судом недействительной, если «доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о ее незаконности», т.е. действовала недобросовестно. Из этой нормы, а также норм целого ряда других статей ГК (ст. 53, 174 и пр.) вытекает, что участник гражданского правоотношения признается добросовестным, а доказывать его недобросовестность должен тот, кто с такими действиями связывает определенные юридические последствия.

Таким образом, роль презумпций в праве достаточно велика и, прежде всего, обусловлена правильным применением норм права. Логическая и справедливая основа презумпций, во многом основанная на предположении как явной ее составляющей, способна повлечь за собой точное и неуклонное соблюдение законов. Она направлена на защиту прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечение гарантии соблюдения данных прав.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (1993). // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

3. Баранов В.М., Першин В.Б., Першина И.В. Методологические предпосылки формирования теории правовых презумпций // Юридическая техника. – 2008. – № 2. – С. 177.
4. Булаевский Б. А. К вопросу о понятии презумпций в праве // Журнал российского права. – 2010. – № 3. – С. 63-71.
5. Васьковский Е. В. Гражданский процесс. – СПб.: Б. и., 1914. – 200 с.
6. Власенко Н. А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 21-23.
7. Кузнецова О.А. Презумпции в российском гражданском праве. – Пермь, 2002. – С. 152.
8. Общая теория права: курс лекций / под ред. В. К. Бабаева. – Н. Новгород: НА МВД РФ, 1993. – 544 с.
9. Ойгензихт В.А. Понятие гражданско-правовой презумпции // Советское государство и право. – 1985. – № 10. – С. 25-33.
10. Сериков Ю. А. Процессуальные функции правовых презумпций в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2005. – 227 с.

ПАРКИНА А. В., УЗДИМАЕВА Н. И.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ОШИБКА: ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ

Аннотация. Приведены критерии оценки деятельности субъекта применения права как ошибочной или безошибочной. Соотнесены цели правового регулирования и причины правовых ошибок. Выявлены основные факторы, вызывающие появление ошибок в правовой сфере и предложены способы их устранения.

Ключевые слова: правоприменительная ошибка, отступление от нормы права, заблуждение правоприменителя, устранение правоприменительной ошибки, профилактика правоприменительных ошибок.

PARKINA A. V., UZDIMAIEVA N. I.

LEGAL ERROR: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

Abstract. The criteria of assessing the activity of law subject as erroneous or error-free are considered. The goals of legal regulation and the causes of legal errors are correlated. The main factors resulting in legal errors are studied and ways to deal with them are presented.

Keywords: legal error, deviation from legal norm, mistake of lawmaker, legal error elimination, legal error prevention.

Любая профессиональная деятельность, в том числе и связанная с реализацией права (начиная с этапа его формализации), несет в себе риск ошибки. Поэтому совершенно не случайно в последнее время в научно-правовой литературе поднимается вопрос о юридических ошибках.

Юридическая ошибка – один из видов ошибок. К ним В. Н. Карташов относит дефекты (погрешности, недостатки, изъяны) в профессиональной юридической деятельности, носящие непреднамеренный характер, связанные с отрицательными последствиями и требующие определенных мер социально-правовой защиты участников правовой деятельности [4, с. 52]. С. И. Ожегов связывает ошибку с «неправильностью в действиях и мыслях» [6, с. 430]. Именно в такой неправильности и заключается суть ошибки. Современные исследователи ошибку понимают и как несоответствие знания индивидом объекта, обусловленное субъективными его качествами [3, с. 71], и как непреднамеренную неправильность, которую система в состоянии устранить (при наличии возможности) [8, с. 28], и как результат неправильного действия, не достигающего поставленной цели [7, с. 160], и как неточность действий, неадекватность мышления и выражающуюся в нарушении каких-либо правил [2, с. 38]. Приведенные определения содержат ряд общих признаков, характеризующих ошибку как явление, но они нуждаются в конкретизации.

Допустим ли сам термин «правоприменительная ошибка»? Существует мнение, что реализация права предполагает только правомерные действия, а поскольку применение права – одна из форм его реализации, то оно может быть только правомерным. Но ведь ошибка – это всегда отступление от нормы. Значит, любая ошибка имеет неправомерный характер?

Главный признак ошибки – несоответствие. Но где критерий такого несоответствия? Чему именно не соответствуют действия и решения субъекта, применяющего право? Здесь следует исходить из главных целей правоприменения. А оно направлено на реализацию правовых норм в конкретной жизненной ситуации. Значит, получается, что правоприменительная ошибка, это, прежде всего, несоответствие основных признаков правоприменительной деятельности положениям нормы права.

Поскольку любое правоприменение нацелено на реализацию норм, в первую очередь, материального права, то именно на предмет соответствия или несоответствия им критически оценивается деятельность правоприменителя. В то же время не следует забывать и об обязательности соблюдения норм процессуального характера.

Достаточно просто решается вопрос о наличии или отсутствии ошибки при реализации правоприменителем норм императивного характера, ибо они обязывают действовать в строго обозначенных ими рамках, и любое отступление от таких рамок – ошибка (а иногда и не просто ошибка, правонарушение).

Нередко же правоприменителю предоставляется некая возможность выбора одного из нескольких вариантов поведения. Другими словами, он не должен действовать только однонаправленно, под влиянием лишь внешнего принуждения, вытекающего из смысла изложенной в текстах правовых норм государственной воли. Он может действовать и по собственному усмотрению. В таких ситуациях дополнительным критерием оценки правовой деятельности как ошибочной или безошибочной становится критерий целесообразности. Нецелесообразным при этом считается выбор любого, кроме оптимального, вариант развития событий, или варианта, приводящего к отрицательным последствиям. Каким должно быть оптимальное решение – для каждой конкретной ситуации необходимо определять отдельно.

Правоприменительная деятельность напрямую связана и с целями правового регулирования, точнее она из них вытекает. И степень их достижения также является критерием оценки правоприменительной деятельности как ошибочной или безошибочной.

Важно учитывать и субъективный фактор. Если лицо, применяющее норму права, не понимало, к каким негативным последствиям приведут его правоприменительные решения,

не желало негативных последствий, мы имеем дело с ошибкой, если понимало и желало – с правонарушением.

Но как квалифицировать ошибку правоприменения? Объективированным результатом правоприменительной деятельности, как известно, является правоприменительный акт. Именно он является формальным основанием для определения ошибочности применения права. В то же время, если такой акт издан субъектом, специально на то не уполномоченным, то речи об ошибке нет (потому что нет правоприменения).

Следует помнить и о том, что при ошибке у субъекта всегда изначально есть возможность поступить именно по праву и в его полномочиях. При отсутствии такой возможности или при совершении правоприменительного действия лицом, на то не уполномоченным, деятельность правоприменителя также не является ошибочной.

Иногда к ошибочной относят правоприменение, осуществленное с нарушением сроков принятия правоприменительного решения. Но, если, например, нарушены сроки издания акта, то речь идет о процессуальной правоприменительной ошибке.

Когда применение права с ошибкой считается именно таковым? Когда уже наступил результат такой ошибки? Или с момента принятия и вступления в силу соответствующего акта? Полагаем, что не обязательно дожидаться, когда в результате издания ошибочного акта наступят некоторые негативные последствия. Он является таковым независимо от наступления или ненаступления вреда (ущерба). Но в то же время, если правоприменитель не выносит правоприменительный акт, ошибки тоже нет, так как опять же отсутствует применение права. Квалифицировать правоприменительную деятельность как ошибочную может только субъект, который наделен соответствующими полномочиями (вышестоящим должностным лицом, прокурором, судьей).

Таким образом, правоприменительная ошибка – это издание уполномоченным на то специальным органом (лицом) акта применения права, не соответствующего основным принципам права и содержанию применяемой правовой нормы.

Актуален вопрос о классификации правоприменительных ошибок. В частности, в зависимости от формы изложения правоприменительного решения, они могут быть письменными, устными или совершенными в конклюдентной форме (например, жестами).

В зависимости от отраслевой принадлежности применяемых норм права и их содержания следует выделять материальные и процессуальные правоприменительные ошибки. В рамках этой классификации можно провести более конкретное разделение: уголовно-правовые и уголовно-процессуальные ошибки правоприменителя, гражданско-правовые и гражданско-процессуальные и т. д.

С учетом факта последующего обнаружения ошибки могут быть выявленные (установленные) или латентные (скрытые, не обнаруженные). Обнаружить ошибку, кстати, может и сам правоприменитель.

По психологическому механизму формирования можно различать ошибки умышленные и неумышленные. Умышленные ошибки – проявление противоправности в поведении соответствующего субъекта.

В зависимости от последствий для лиц, интересы которых были затронуты решением правоприменителя, правоприменительные ошибки можно подразделять на причинившие вред (ущерб) (существенный или незначительный) и не имевшие серьезных вредных последствий.

В зависимости от вида правоприменительной деятельности можно выделять ошибки при осуществлении контрольно-надзорного, юрисдикционного и исполнительно-разрешительного правоприменения.

Правоприменительные ошибки могут быть подразделены на виды и в зависимости от последствий ошибки для самого правоприменителя – форм его ответственности. Здесь можно вести речь об ошибках, повлекших, например, уголовную, дисциплинарную, материальную ответственность, или об ошибках, последствием которых является моральное осуждение правоприменителя.

По степени распространенности правоприменительных ошибок можно различать ошибки типичные (часто повторяются) и нетипичные (имеют исключительный характер) [5, с. 81].

Поскольку любая правоприменительная деятельность в идеале должна быть безошибочной, с ошибками в юридической сфере надо бороться. Для этого необходимо установить причину ошибки. При внимательном рассмотрении оказывается, что все причины правоприменительных ошибок сводятся к единому знаменателю – заблуждению правоприменителя. Как правило, ошибки совершаются в силу особых субъективных факторов, например, из-за отсутствия профессиональных знаний, юридической безграмотности правоприменителя, непонимания им смысла применяемых правовых норм или по причине недооценки сложившейся фактической ситуации. Правоприменитель может быть просто не готов к осуществлению профессиональной правоприменительной деятельности по причине отсутствия у него таких качеств как организованность, дисциплинированность, критичность, принципиальность, быстрота мышления и пр. нередко ошибкой правоприменительных ошибок становится некая предубежденность правоприменителя. Например, нередко говорят о так называемом обвинительном уклоне

правоприменительной деятельности, или, напротив, склонности к оправданию любого зла, идеализации права и юридической практики.

Заблуждение правоприменителя, обусловленное объективными причинами, встречается редко. Оно возникает лишь в тех случаях, когда лицо, применяющее право, в силу факторов, независящих от него, либо не должно, либо не могло их (факторов) предвидеть.

Условий, при которых возникают неправильности в правоприменительной деятельности, немало и они различны. Одним из самых значимых обстоятельств является низкое качество используемой в правоприменении нормативно-правовой базы. Не секрет, что законодательство изобилует неоднозначными формулировками, понятиями, терминами. Одним из факторов, способствующих совершению правоприменительных ошибок, может служить объективная сложность правоприменения. Особую трудность представляет отсутствие, как правило, полной и достоверной информации для принятия безошибочного решения.

Деятельность по устранению правоприменительных ошибок осуществляется в двух основных направлениях: 1) устранение уже совершенных ошибок, 2) устранение причин ошибок и профилактика их совершения. Устранить уже совершенные ошибки – значит, устранить, в первую очередь, их последствия (отменить ошибочный правоприменительный акт, устранить его негативный результат (вред, ущерб)). Отмена ошибочного акта применения права является юридическим основанием для проведения праввосстановительных мероприятий.

Для устранения причин ошибок и их профилактирования необходим постоянный контроль за качеством правоприменительной деятельности. Контроль осуществляется вышестоящими органами, должностными лицами, непосредственным руководителем конкретного правоприменителя. Именно непосредственный руководитель – тот субъект, который может и должен, в первую очередь, постоянно отслеживать качество правоприменительной деятельности, не попустительствовать систематическим ошибкам и нарушениям со стороны правоприменителя. Все другие на то уполномоченные субъекты (те же прокуратура, суд) не имеют возможности делать это постоянно и систематически в отношении одного и того же правоприменителя. При таком подходе до других правоприменителей и качества их правоприменительной деятельности «руки не дойдут». Следует помнить, что при систематическом допущении ошибок со стороны одного и того же правоприменителя возможно, а в некоторых случаях просто необходимо использование дополнительных рычагов воздействия – наказания.

Правовосстановительные мероприятия в связи с устранением ошибок правоприменения предполагают изменение отношений, в которые вовлечены субъекты правоприменительной деятельности. В результате правосстановительных мероприятий правоотношения, сложившиеся после издания ошибочного акта применения права, изменяются – не только отменяется ошибочный акт применения права, но и восстанавливаются нарушенные права субъектов – участников правоотношений.

Для профилактики ошибок необходимо также иметь необходимую информацию о них. Здесь большая роль должна отводиться статистическим мероприятиям. Они должны быть нацелены не только на механический подсчет совершенных ошибок и допущенных фактов нарушений законности, но и позволяют оценивать сложившуюся практику правоприменения, в том числе выявить круг лиц, нередко ошибающихся в своей профессиональной деятельности, владеющих всеми необходимыми профессиональными знаниями и навыками.

Важнейшее значение для предотвращения правоприменительных ошибок имеет деятельность по ликвидации причин ошибок, должным образом поставленное правовое воспитание правоприменителей, преодоление деформации правосознания правоприменителей, формирование мотивации к безошибочной правоприменительной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (1993) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.
2. Вопленко Н. Н. Ошибка в правоприменении: понятие и виды // Советское государство и право. – 1981. – № 4. – С. 38–46.
3. Заботин П. С. Преодоление заблуждения в научном познании. – М.: Мысль, 1979. – 191 с.
4. Карташов В. Н. Профессиональная юридическая деятельность. – Ярославль: ЯрГУ, 1992. – 88 с.
5. Маликов М. К. Гносеологические основы реализации права: учеб. пособие. – Уфа: Башкирский ун-т, 1998. – 299 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Р. И. Аванесова, Д. И. Алексеева. – М.: Русский язык, 1983. – 816 с.
7. Платонов К. К. О системе психологии. Философские проблемы в советской психологии. – М.: Мысль, 1972. – 216 с.
8. Селиванов Ф. А. Заблуждение как противоположность истины // Ленинская теория отражения. Истина как гносеологическая категория / под ред. Л. В. Скворцова. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-та, 1983. – С. 35–43.

ВЛАСОВА О. С.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация. В статье представлен обзор научных взглядов на проблему правосознания. Определена структура, основные компоненты, функции, виды и уровни правосознания.

Ключевые слова: правосознание, правовая психология, правовая идеология, познавательная функция, оценочная функция, регулятивная функция, обыденное правосознание, профессиональное правосознание, научное правосознание, индивидуальное правосознание, общественное правосознание, групповое правосознание.

VLASOVA O. S.

LEGAL NATURE OF LEGAL CONSCIENCE

Abstract. The article considers the scientific views on the issue of legal conscience. The author studies the structure, components, functions, types and levels of the phenomenon in question.

Keywords: legal conscience, legal psychology, legal ideology, cognitive function, evaluation function, regulatory function, ordinary legal conscience, professional legal conscience, scientific legal conscience, individual legal conscience, social legal conscience, group legal conscience.

Актуальность данной темы связана с тем, что успешное решение экономических, политических и социальных задач невозможно без повышения уровня правосознания личности, воспитания у каждого гражданина глубокого уважения к закону, формирования готовности непосредственно и активно участвовать в воплощении положений правовых норм в повседневную жизнь. В этой связи правосознание можно рассматривать как одну из важнейших предпосылок и необходимое условие для формирования готовности личности к юридически значимому поведению, без чего невозможно становление гражданского общества и правового государства, реализация правовой реформы. Правосознание, являясь духовным началом в праве, оказывает существенное мотивационное воздействие на общественные отношения, правовое поведение и является одним из ведущих факторов развития правовой активности личности.

Правосознание формируется на основе правовых теорий и общих норм поведения граждан, господствующих в определенном государстве на конкретном историческом этапе его развития. На формирование и развитие правосознания оказывают влияние социально-политические, экономические, культурные факторы. В правосознании отражается правовая деятельность в виде знаний о праве, осмысление права как явления общественного бытия,

каким оно было и каким должно быть, а также правовых установок в отношении поведения, которое возникло как результат оценки действующего права.

Правосознание должно быть присуще не только создателям юридических норм, законодателям, но и всем гражданам государства. От роста уровня правосознания и правовой культуры граждан Украины зависит эффективность правового регулирования общественных процессов, происходящих в нашем обществе, становления Украины правовым государством.

В настоящее время теоретики права по-разному подходят к вопросу правосознания. Анализ позиций ученых, в частности С. С. Алексеева, В. М. Хропанюка, С. А. Комарова, показывает, что, как правило, под правосознанием понимается совокупность взглядов, отражающих в общественном или индивидуальном сознании действующее право и правовые явления.

Н. Л. Гранат трактует правосознание как сферу или область сознания, которая отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях [4, с. 253].

Таким образом, правосознание – это совокупность взглядов, теорий, идей, которые отображают не всю, а только общественную действительность, но не в полном объеме, а лишь ту сторону общественной деятельности, которая охватывается государственно-правовыми связями и отношениями.

Особенность правосознания заключается в том, что оно призвано регулировать поведение людей, выдвигая определенные требования и предписания, которые объективно требуют законодательного закрепления для придания им общеобязательного характера. Поэтому специфика правосознания определяется не в отражении поведения людей, а в требовании установления определенных общеобязательных масштабов поведения, очерчивании границ этого поведения, обосновании необходимости установления конкретного круга юридических прав и обязанностей участников общественных отношений.

Правосознание имеет оценочный и одновременно нормативный характер. Оно оценивает правовое бытие через призму категорий законного и незаконного, справедливого и несправедливого, правомерного и противоправного и т.д.

Правосознание предстает сложным образованием, которое традиционно подразделяется на два элемента: правовую психологию и правовую идеологию.

Правовая психология, как элемент правосознания отражает правовые чувства, настроения, мнения, навыки и традиции, играет важную роль в формировании и реализации права, может быть его стимулятором или тормозом.

Структура правовой психологии включает:

- постоянные элементы (правовые обычаи, традиции, привычки);
- динамические элементы (настроения, переживания);
- познавательные элементы (правовые эмпирические знания, представления) и эмоциональные элементы (правовые эмоции, чувства);
- регулятивные элементы (правовые привычки, обычаи).

Так, проявлениями правовой психологии будет чувство справедливости, уважение к правам и свободам человека, равнодушие к беззаконию или страх перед ответственностью, эмоциональная реакция (в виде аплодисментов, криков и др.) присутствующих в зале судебных заседаний на определенное решение судьи, то есть эмоциональное отношение к праву. В целом – это стихийная, несистематизированная и самая распространенная форма осознания права, которая в той или иной степени присуща всем субъектам и может возникнуть по поводу любого правового явления [2, с. 237].

Ошибочно было бы оценивать эту составляющую правового сознания как нечто второстепенное. Игнорирование правовой психологии, как населения, так и отдельных лиц в процессе формирования и проведения государственной правовой политики может привести к существенному противодействию осуществлению той или иной реформы.

Правовая идеология – это совокупность правовых взглядов, основанных на определенном социальном опыте и научных знаниях. Существование правовой идеологии обуславливается сознательным отношением к праву как систематизированное обоснование выражения потребностей населения, она связана с познанием правовых ценностей, их преобразованием в систему нормативного регулирования поведения людей в обществе [3]. Источником возникновения правовых идей, взглядов являются объективно существующие социально-экономические, политические отношения в обществе, юридическая практика. Основной задачей правовой идеологии является формирование правового сознания, правовой культуры отдельных субъектов и общества в целом, повышение уровня их правовых знаний.

Связь правовой идеологии и правовой психологии заключается в том, что правовая идеология обогащает правовую психологию ценностно-нормативными ориентирами, а правовая психология является единственным источником для формирования правовых норм. Существует расхождение между правовой идеологией и правовой психологией, которое заключается преимущественно в разных уровнях и способах отражения общественного бытия и общественной правовой реальности. В правовой идеологии отражение общественного бытия происходит на уровне научного осознания, а в правовой психологии – прежде всего на уровне бытового, повседневного сознания.

Значение правосознания в правовой жизни общества раскрывается через его функции.

Познавательная функция правосознания в том, что человек на основе полученных юридических знаний и юридического опыта формирует представление о действующем праве, в частности о своих субъективных правах и юридических обязанностях. Эффективность познавательной функции правосознания зависит от уровня правовой информированности человека. Источниками правовой информации являются документальные юридические акты, обнародованные в установленном законом порядке, сообщения прессы, радио, телевидения, а источником правового опыта – практические действия человека в сфере права.

Сущность оценочной функции правового сознания проявляется в том, что на основе правовых знаний, опыта правовой деятельности и эмоционального отношения к различным проявлениям правовой действительности формируются ценностные ориентации человека. Пройдя через сознание личности, правовые явления вызывают определенное к себе отношение. При этом оцениваются как правовые знания, так и правовая действительность с точки зрения этих знаний. Происходит процесс не прямого воспроизведения в действиях лица полученных знаний, а возникает их переосмысленный вариант, что соотносится с взглядами на правовое, обязательное. В свою очередь, ценностные ориентации становятся основой для формирования правовой установки, т.е. готовности к определенному правовому поведению – при этом не только правомерному, но и противоправному [4, с. 37].

Регулятивная функция реализуется через систему мотивов, ценностных ориентаций, правовых установок, которые выступают специфическим регулятором поведения людей. Особую роль в осуществлении этой функции играют правовые установки, которые свидетельствуют о готовности, предрасположенности человека к определенной модели поведения – правомерного или неправомерного, что формируется под воздействием ряда экономических, социальных и психофизиологических факторов [2, с. 239].

Кроме элементов, в структуре правосознания выделяют уровни, которые зависят от степени знания права и глубины отражения правовой действительности.

Первый уровень – обыденное правосознание. Этот уровень свойствен основной массе членов общества, возникает под влиянием конкретных жизненных обстоятельств, личного правового опыта. Характеризует отношение лица к праву на бытовом уровне. Для людей с этим уровнем правосознания характерны знание принципов права. Например, убеждение в том, что пожизненное заключение убийцы – единственное средство борьбы с такими преступниками.

Второй уровень – профессиональное правосознание. Оно формируется в результате получения специальной юридической подготовки, а также в процессе осуществления

юридической деятельности. Субъектами профессионального правосознания являются лица, которые имеют специальное юридическое образование и профессионально занимаются юридической наукой и практикой. Самый высокий уровень правосознания среди юристов-практиков присущ судьям, которые в процессе осуществления правосудия встречаются с самыми разнообразными правовыми явлениями. Этот уровень обусловлен как необходимостью знать и понимать право, так и умением его применять.

Именно правосознание профессионального юридического сообщества является непосредственным источником правотворчества, ему принадлежит ведущая роль в разработке проектов нормативно-правовых актов или их частей, проведении необходимых процедур на отдельных стадиях нормотворческого процесса, систематизации нормативно-правовых актов. Профессиональное правосознание юристов – ученых и юристов-практиков, в свою очередь, определяет качественное состояние правового сознания общества в целом.

Целесообразным является выделение просветительско-воспитательной функции профессионально-юридического правосознания, которая предполагает позитивное влияние на общественное сознание, содействие усвоению правовых знаний, утверждению правовых ценностей и формированию правовых ценностных ориентаций [4, с. 38].

Третий уровень – это научное правосознание. Этот уровень характерен научным работникам, преподавателям высших учебных заведений, которые занимаются теоретической разработкой общих или отраслевых проблем. Научное правосознание предполагает не только наличие юридического образования, но и умение оперировать правовыми категориями, осуществлять широкие и глубокие обобщения правового материала.

По субъектам правосознание делится на такие виды: индивидуальное, групповое и общественное.

Индивидуальное правосознание – это правосознание отдельной личности, которое формируется под влиянием средств массовой информации, индивидуальных обстоятельств жизни и зависит от уровня правового образования личности.

Групповое правосознание – это представления различных социальных групп (политических партий, общественных объединений). В ряде случаев правосознание одной социальной группы может существенно отличаться от правосознания другой. Например, можно увидеть различия в правосознании возрастных слоев населения в обществе, в профессиональном сознании юристов разной специализации – работников суда, прокуратуры, адвокатуры, лиц, работающих в системе МВД [5, с. 391].

Общественное правосознание присуще большинству членов общества, которые являются носителями национальной правовой культуры; отражает общественную цель и

задачи правового регулирования; находит проявление в ходе проявления общих акций: выборов в парламент, избрание главы государства, проведение референдума [3].

Таким образом, правосознание является основной и органичной составляющей правовой жизни общества. Как специфическая форма общественного сознания, правосознание – это познавательно-оценочное отношение людей к прошлому и действующему законодательству, законности, правосудию. Это осознание объективной необходимости права в современном обществе, его социального назначения, связь с такими идеалами, как справедливость, свобода, естественные и неотъемлемые права личности. Это отношение к активному поведению людей, их оценочная характеристика с позиции правомерности или неправомерности, совокупность психологических установок и ценностных ориентаций на беспрекословное соблюдение норм права.

В процессе формирования правосознания участвуют интеллектуальная и эмоциональная сферы человека, в частности, правовые чувства, под влиянием которых знание норм переходят в убеждения. А сочетание в правосознании правовых знаний и правовых убеждений проявляется в готовности действовать в соответствии с правовыми требованиями, то есть в правовой установке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коваленко Н. Ю. Правова природа правосвідомості // Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Сер.: Юриспруденція. – Одеса, 2013. – № 6-1. – С. 40–42.
2. Петришин О. В. Загальна теорія держави і права / за ред. М. В. Цвіка, В. М. Ткачкнка, О. В. Петришина. – Х.: Право, 2002. – 432 с.
3. Зайчук О. В., Оніщенко Н. М. Теорія держави і права: підручник. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 688 с.
4. Проць О. М. До питання про функції правосвідомості // Часопис Київського університету права. – К., 2014. – № 1. – С. 36–39.
5. Кельман М. С., Мурашин О. Г. Загальна теорія держави і права: підручник. – К.: Кондор, 2006. – 477 с.

МИРОНОВА Е. А.

ПРАВОВЫЕ ДЕФИНИЦИИ И ПРАВОВОЕ ДЕФИНИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье описываются факторы, вызывающие необходимость использования правовых дефиниций. Критически оцениваются некоторые дефиниции современного российского законодательства.

Ключевые слова: правовая дефиниция, принцип системности, принцип логического изложения, принцип лингвостилистической грамотности.

MIRONOVA E. A.

LEGAL DEFINITIONS AND LEGAL DEFINING

Abstract. The article considers the factors that trigger the use of legal definitions. The author critically assesses some definitions of the current Russian law.

Keywords: legal definition, principle of consistency, principle of logical presentation, principle of linguo-stylistic literacy.

Дефиниции обладают неоценимыми свойствами разъясняющего, конкретизирующего толка. По замечанию Д. А. Керимова, «использование в законе точных специальных терминов и понятий вовсе не делает его непонятным, если в самом законе даются определения этим терминам и понятиям» [6, с. 59], а формулирование общих, единых требований для дефиниций, используемых в законодательном тексте, усиливает этот позитивный эффект, являясь одной из главных предпосылок для достижения логичности и прозрачности юридических норм.

Эффективная реализация государственной воли, которая осуществляется с помощью различных регуляторов, в частности, посредством нормативных предписаний, предполагает наличие системы требований, предъявляемых к каждому из них. Данная система является фундаментом их функционирования. Такие требования выдвигаются и по отношению к содержанию законодательных дефиниций

Дефиниция – это способ реализации мысли, применяемый в различных областях знания. Поэтому следует начать с представления тех требований к формулированию и содержанию дефиниций, которые имеют наиболее общий характер и составляют своеобразный базис для любого исследования. В частности, таковой представляется система требований к дефинициям научно-технических терминов, сформулированная И. Н. Волковой:

1. Дефиниция научно-технического понятия должна содержать только его существенные признаки, необходимые и достаточные для его идентификации и выделения из ряда других понятий.

2. Дефиниция должна быть адекватной, соразмерной дефинируемому понятию, т.е. строго соответствовать его объему.

3. Дефиниция должна быть системной содержательно, лексически и синтаксически, т.е. словесно отражать место понятия в понятийной системе, указывать на вид связей, на отношения с ближайшими понятиями.

4. Дефиниция не должна быть тавтологической, т.е. содержать только те признаки, которые уже отражены в буквальном значении термина.

5. Дефиниция не должна содержать логического круга, при котором одно понятие определяется через другое, которое, в свою очередь, объясняется через первое.

6. Дефиниция должна быть лингвистически правильной, т.е. соответствовать нормам того языка, на котором она дана.

7. Дефиниция должна быть краткой. Многословность дефиниции свидетельствует о недостаточно четкой систематизации понятий [5, с. 41–45].

Например, дефиниция «Терминал – производственно-технологический комплекс, предназначенный для осуществления операций, связанных с перевозками грузов» [4] будет соответствовать всем перечисленным выше требованиям постольку: 1) содержит существенные признаки понятия – комплекс, нужен для перевозок грузов; 2) соответствует объему понятия; 3) дефиниция емкая и содержательна; 4) не является тавтологией; 5) не содержит логического круга, так как слово «комплекс» нельзя объяснить через слово «терминал»; 6) данное определение соответствует нормам русского языка; 7) дефиниция кратка, что говорит о ее четкости и доступности для понимания.

Данные требования вполне применимы и к дефинициям, задействованным в законодательном тексте (безусловно, не являясь при этом исчерпывающими), что еще раз доказывает существование общих связей среди различных наук и объектов.

По отношению к законодательным дефинициям, самыми влиятельными являются две системы требований, сформулированных различными учеными. Первая из них определена Г. Т. Чернобиль. По мнению исследователя, определения должны «1) с оптимальной адекватностью отражать сущность дефинируемого явления; 2) иметь конвенциональный характер, т.е. базироваться на определенном научном признании, консенсусе; 3) быть дискурсивными, т.е. находиться в определенном логическом сцеплении с предшествующими общепризнанными или устоявшимися дефинициями действующего законодательства» [8, с. 81].

Данным требованиям будет соответствовать и следующая дефиниция: «Общественным движением является состоящее из участников и не имеющее членства массовое общественное объединение, преследующее социальные, политические и иные общественно полезные цели, поддерживаемые участниками общественного движения» [3]. Данная дефиниция полностью отражает сущность понятия, основана на признании научным сообществом и логически связана, например, с таким понятием как «общественное объединение».

М. В. Чиннова, являясь автором другой совокупности требований, предъявляемых к законодательным дефинициям, разбивает их на три взаимосвязанные группы, основанные на различных свойствах определений понятий: филологические (стилистические, терминологические и синтаксические правила), фактические (определяющее должно содержать существенные признаки определяемого; определение понятия должно осуществляться через термины, значения которых уже известны, более ясны и понятны, чем значение определяемого; требование «неотрицательного» определения) и логические (правило взаимозаменяемости (или переводимости); правило полноты определения; правило запрета порочного круга; правило непротиворечивости; правило однозначности) [9, с. 107]. В представленной системе, которая характеризуется довольно широким спектром требований, обобщающих, прежде всего, различные лингвистические и логические аспекты существования и содержания дефиниций, наоборот практически не уделяется внимания их правовым особенностям, специфике функционирования в законодательных актах. А это является необходимым условием для идентификации законодательных определений в общей дефинитивной среде, и, кроме этого, позволяет узреть характерные только им проблемы функционирования, постараться нейтрализовать данные проблемы с помощью специально установленных правил.

Примером может служить следующая дефиниция: «Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помощи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации» [2]. Здесь соблюдены все формальные правила, предъявляемые к дефинициям, но правовому аспекту внимание уделено в меньшей степени.

Наличие научно разработанных и системно упорядоченных требований к дефинициям, объективированным в законодательных актах, безусловно, является позитивным явлением в теории права, даже несмотря на небесспорный характер отдельных аспектов их существования.

В этой связи, на наш взгляд, интересной является система требований (принципов) В. Ю. Туранина. Она включает в себя следующие принципы.

1. Принцип правовой безупречности.

Это общий принцип, вытекающий из идеального, философского понимания закона как объекта, изначально предназначенного регулировать отношения в обществе, которые в своей совокупности являются основой существования человечества. Следовательно, закон обязан быть безупречным во всех аспектах, и в первую очередь – в правовом аспекте. Дефиниции в своем проявлении являются частью закона, поэтому на них также распространяется это идеальное свойство закона. В связи с этим, законодательные определения терминов не имеют права быть коллизионными, то есть они не должны противоречить уже имеющимся дефинициям, а также существующим правовым нормам.

2. Принцип адекватного отражения сути понятия.

Построение законодательной дефиниции должно позволять каждому заинтересованному пользователю увидеть все то, что ему необходимо для последовательной и эффективной работы с определяемым термином. Поэтому в дефиниции должно быть адекватно и наиболее полно отражено содержание соответствующего понятия.

3. Принцип системности.

Данный принцип подразумевает объективное и полноценное функционирование каждой законодательной дефиниции в единой системе. Это обусловлено тождественными свойствами определений, их общей логической структурой. Система законодательных дефиниций проявляет себя точно также как и юридическая терминологическая система, ведь в большинстве случаев дефиниции следуют за терминами, являются их тенью. Поэтому и в данной системе присутствуют, к примеру, свои взаимосвязанные и взаимозависимые дефинитивные ряды, характеризующиеся определенной иерархией. Особенно важным аспектом в данном случае является согласованность дефиниций между собой, их непротиворечивость. Как показывает исследование современного российского законодательства, проблемы в данном отношении есть, причем некоторые из них имеют довольно существенный характер, негативно сказывающийся на процессе реализации юридических норм.

4. Принцип краткости формы и полноты содержания.

Выделение этого принципа, как и в первом случае, основано на корреляционной связи права и философии. Форма и содержание – это две неотделимые друг от друга категории, которые одинаково важны для любого объекта правовой действительности. Законодательные дефиниции следует облачать в краткую форму, которая способствует объективной экономии языковых средств и служит удобным элементом восприятия нормативного предписания. Вместе с тем краткость в формулировании дефиниции обязана иметь разумные границы, ни в коем случае не деформировать содержание понятия, отражать его сущностные аспекты, которые позволяют идентифицировать данное понятие в понятийной системе, что необходимо для стабильного и эффективного функционирования каждой дефиниции в тексте закона.

5. Принцип логичного изложения.

Данный принцип отражается в установлении и укреплении логических связей внутри самого определения, он основывается на последовательности его изложения. В содержании законодательной дефиниции нет места для логических противоречий, а значит, - каждое последующее должно быть продолжением предыдущего, вытекать из его сути, существовать во взаимосвязи с ним, а не отрицая его. Поэтому следует выстраивать логичные словесные ряды, в которых каждое слово находится на своем месте, помогая реализоваться другому слову, определяя тем самым общую суть фразы, предложения. В законодательном определении недопустима тавтология, которая выражается в определении понятия через самого же себя.

6. Принцип лингвостилистической грамотности.

Сформулированная в окончательной форме законодательная дефиниция должна характеризоваться грамотностью в своем изложении, а значит, соответствовать всем нормам современного русского языка. В данном случае важно, прежде всего, соблюдение лексико-стилистических норм литературного языка, в частности, требований к современной терминологии. Законодательную дефиницию следует выстраивать таким образом, чтобы задействованные в ее текстовой основе термины преимущественно употреблялись в том смысле, в котором они известны потенциальному пользователю, без дополнительных пояснений к ним [7, с. 28–32].

Пример: «Неустойкой (штрафом, пеней) признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности, в случае просрочки исполнения» [1]. Данная дефиниция будет подходить под все перечисленные выше требования, так она будет и идеальной, то есть не противоречащей другим нормам

законодательства; и системной, поскольку данная дефиниция входит в систему гражданско-правовых дефиниций; полностью раскрытой, но при этом краткой; логически изложенной, так как не содержит логических противоречий; и, конечно же, она соответствует нормам русского языка.

Можно отметить, что в основе всех приведенных систем требований (принципов) лежат сходные положения, только каждый автор уделяет им разное значение в применении к дефинициям. Поскольку нас, как юристов интересуют правовые или, конкретизируя данное понятие, законодательные дефиниции, то на практике следует использовать такую систему требований, в которой в равной степени отражены и правовые, и логические, и лингвистические требования.

Таким образом, законодательная дефиниция, сформулированная на основе любой из данных систем требований (принципов), должна восприниматься как объект, существующий во внутренней и внешней гармонии, действительно способствующий выражению законодательной мысли и отражающий основные свойства интерпретируемого понятия, востребованного правом. Только тогда определение понятия, представленное в тексте закона, будет являться катализатором процесса укрепления качественных характеристик законодательного акта, опорой его юридической стабильности и основой эффективности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Об общественных объединениях: Федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
4. Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: Федер. закон от 8 нояб. 2007 г. № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 46. – Ст. 5555.
5. Волкова И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии. – М.: Изд-во стандартов, 1984. – 199 с.
6. Керимов Д. А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998. – 121 с.

7. Туранин В. Ю. Теория и практика использования законодательных дефиниций: монография. – М.: МЭСИ, 2009. – 108 с.
8. Чернобель Г. Т. Правовые понятия и их применение в законах // Законодательная техника: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова. – М.: Городец, 2000. – С. 78–88.
9. Чиннова М. В. Дефиниции и их использование в нормативно-правовых актах: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 130 с.

МАСЛАК Ю. А.
ПРОБЛЕМА ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОСОЗНАНИЯ
И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие деформации правового сознания и причины ее возникновения. Представлены наиболее распространенные формы деформации правосознания и методы их преодоления.

Ключевые слова: правосознание, деформация правосознания, демократизация правосознания, правовой нигилизм, правовая демагогия, правовой идеализм, правовой инфантилизм, перерождение правосознания.

MASLAK YU. A.
DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS
AND WAYS OF ITS OVERCOMING

Abstract. The article considers the concept of deformation of legal consciousness and reveals the causes of its occurrence. The author presents the most common forms of deformation of legal consciousness and methods of overcoming them.

Keywords: legal consciousness, deformation of legal consciousness, democratization of justice, legal nihilism, legal rhetoric, legal idealism, legal infantilism, rebirth of consciousness.

В настоящее время в Украине происходит множество политико-правовых изменений, которые требуют наличия высокого уровня правосознания не только у представителей властных структур, но и у всех граждан. Его наличие и способность сознательно контролировать деятельность представителей власти, активно участвовать в общественно-политических процессах играет решающую роль для эффективного функционирования общественной жизни и самого общества в целом. Для развития правового государства с развитым гражданским обществом необходимым фактором является формирование правового сознания общественности. При этом необходимо учитывать возможность возникновения отклонений, нежелательных последствий. Поэтому рассмотрение такого явления как деформация правосознания в общем и деформация правосознания украинского общества в частности является актуальным, поскольку дальнейшее формирование правосознания в Украине тесно взаимосвязано с вопросами последующей модификации украинского общества на правовых, демократических началах.

Украина как государство, которое находится на границе западной и восточной культур всегда подвергалось и подвергается постоянному влиянию с их стороны. Как результат этого, правосознание нашего народа соединило в себе черты обеих культурных

традиций и выступает в качестве межкультурного феномена. Влияние Запада и Востока на правосознание равносильное, но разное по своей сути. Доверие к закону, стремление к истинной свободе как главной ценности современного общества являются теми чертами, которые были привнесены развитыми демократическими государствами. Приоритет интересов семьи над личными интересами, допустимость вмешательства государства во все сферы жизнедеятельности общества являются общими чертами правосознания украинского общества с государствами восточных культур. Поэтому, правосознание современного украинского общества находится на пути трансформации от формально-равнодушного отношения к позитивному праву (восточная традиция), до ценностно-действенного восприятия (западная традиция).

Современное общество на данном этапе развития переживает тяжелый процесс социальной, экономической и политической трансформации, которая предопределяет как позитивные, так и отрицательные результаты. По нашему мнению, наиболее негативным итогом являются изменения общественного сознания, в том числе, и правосознания. В юридической науке, этот процесс называется деформацией правосознания, который считается отклонением от общепризнанных мерок, искаженным отблеском правовой действительности и как следствие, имеет неверные ошибочные установки и выбор неправильных моделей поведения. Она происходит под влиянием различных факторов (как внутренних, так и внешних), при которых у общественности формируется свое видение правовой действительности, а также создаются свои ценности, правовые интересы и ориентиры, идеи, модели правильного правового поведения, что могут привести к отрицательным социальным последствиям.

Главной предпосылкой деформации правового сознания можно считать положение основных составляющих механизма правового регулирования, а именно, его неадекватность, противоречивость, декларативность, отсутствие взаимодействия норм и законов. На состояние правосознания огромное влияние оказывает отсутствие системы правового воспитания, популяризация противоправного поведения в средствах массовой информации. Фактически, границы дозволенного и недозволенного для граждан, которые представлялись в масс-медиа, непосредственно влияли на правосознание любого сообщества. В СМИ все чаще появляются материалы, пропагандирующие насилие, вседозволенность, безнравственность, пренебрежение к гражданским обязанностям, моральным принципам, неуважительное отношение к представителям государственной власти, особенно силовым структурам, которые наносят большой вред нравственным и духовным ценностям народа, травмируют психику молодежи, порождают преступность и оказывают негативное влияние на правосознание общественности в целом. В этом случае, более «чувствительной»

категорией граждан становится молодежь, которая категорически воспринимает все изменения в обществе, легко «впитывает» в себя полученную информацию. Поэтому, по нашему мнению, для эффективного установления высокого уровня правосознания граждан, важную роль необходимо отвести правовому воспитанию, которое выступает гарантом надлежащего правового сознания.

Для деформации является характерным негативное отношение граждан к действующему праву, правосудию или же к законности. При этом деформацию правосознания можно определить лишь в том обществе или государстве, где уже существуют установленные рамки «нормального» правосознания. Для того чтобы установить эти границы необходим пример, идеал, как для подрастающего поколения, так и для более зрелых граждан. По нашему мнению, таким идеалом должны быть органы государственной власти, а конкретно их должностные лица, которые действительно избирались бы из числа квалифицированных и наиболее мотивированных государственных служащих.

Известный юрист Жан Карбонье писал, что в случае, если человек владеет развитым правосознанием, то ему не так уж и нужна информация о законе, он сумеет понять, что является законным. По нашему мнению, такое изречение не является верным. Законными или незаконными определённые действия становятся по причине регламентации их в нормативно-правовых актах. Опираясь лишь на правосознание можно не нарушать нормы права, регламентирующие воздержание от совершения определённых проступков, но сложно соблюдать нормы, требующие активных действий со стороны гражданина. Обыденное правосознание формируется путем узаконивания и снятия запретов на определённые действия элитой общества, которые становятся достоянием как отдельного человека, так и целых социальных общностей. Оно содержит в себе представления об приемлемых и неприемлемых формах человеческого поведения, которые направлены на стандартизацию проявлений социальной активности. Характерные признаки обыденного правосознания украинцев проявляются в специфическом отношении к свободе, равенству, справедливости, что нашло свое проявление в обычаях и традициях. Но даже они, на данный момент, подвергаются изменениям. Постепенно укореняется мысль, что в правовой основе государства должны лежать не пережитые устои, а новые, социально-правовые, законодательно-закреплённые правила жизнедеятельности, соответствующие требованиям времени.

Проблема налаживания механизма правового воздействия на общественные отношения с целью создания правового государства является комплексной, поэтому и требует комплексных подходов к обеспечению отдельных элементов этого правового

явления. Правовая элита нашего общества должна приложить максимум усилий для реализации положений Конституции Украины относительно создания правового государства Украины, а без полного теоретического понимания необходимости этого, данные преобразования невозможны.

На формирование правового сознания и правовой культуры влияет весь процесс правотворчества, процесс реализации и применения правовых норм государственными органами Украины, состояние законности и правопорядка, развитие правоотношений. А поскольку существует так много различных факторов – то и есть необходимость в создании единой системы правового воспитания, основной функцией которой было бы формирование не только правового сознания у молодёжи в образовательных заведениях, а и поощрение к этому более старшего поколения.

Деформация правосознания может проявляться различными способами. Самыми распространенными можно считать правовой инфантилизм, правовой нигилизм, правовую демагогию и правовой идеализм.

Правовой инфантилизм – это несформированность, недостаточный уровень правовых знаний при личной уверенности в собственной высокой профессиональной юридической подготовке. Его рассматривают как относительно мягкую по результатам форму деформации правового сознания [1, с. 55]. На данный момент, формируется у граждан путём получения информации через СМИ, где по правовым вопросам она освещается достаточно подробно, но не в полном объёме. По нашему мнению, с правовым инфантилизмом, при правильном подходе, не так сложно бороться. Достаточно проводить разъяснительную работу с гражданами по общетеоретическим, юридическим вопросам, чтобы искоренить из их сознания чрезмерную уверенность в собственных знаниях на данные темы.

Правовую демагогию также можно рассматривать как один из видов деформации правосознания. Это особый вид социальной демагогии, который предусматривает общественно опасное, умышленное влияние отдельного человека (общественных объединений) на чувства, знания, действия людей посредством формирования у них ложного, искаженного представления о правовой действительности для достижения собственных корыстных целей, которые обычно прикрываются мотивом обеспечения интересов населения и государства [1, с. 55]. С этим явлением бороться гораздо сложнее. Самым оптимальным вариантом, по нашему мнению, будет правовая работа среди граждан теми лицами, которые пользуются беспрекословным авторитетом. Используя таких людей, лица, заинтересованные в искоренении правовой демагогии, предоставляют общественности некий идеал для подражания, с чёткими, сформированными позициями по конкретным правовым вопросам.

Правовой идеализм отражает неадекватное отношение к праву, что предполагает превышение его роли в решении общественных проблем. Он проявляется в чрезмерных надеждах на то, что лишь путем принятия определенного закона можно решить все проблемы; при этом не учитываются реальные предпосылки реализации законов. С этим явлением бороться не так сложно – достаточно показать лицам идеализирующим закон примеры недейственности конкретных нормативно-правовых актов в реальных условиях. К сожалению, на данный момент в Украине их большое количество [1, с. 56].

Более распространенным и исследуемым явлением деформации правосознания можно считать правовой нигилизм. Правовой нигилизм представляет собой деструктивный социальный феномен, сущность которого – отрицательное отношение к праву, неверие в его возможности решать насущные проблемы так, как того требует социальная справедливость. Говоря более конкретно, правовой нигилизм характеризуется: во-первых, юридической некомпетентностью (отсутствие правовых знаний); во-вторых, негативным оцениванием права (отрицание его социальной ценности как наиболее эффективного способа регулирования общественных отношений); в-третьих, распространением навыков и стереотипов неправомерного поведения [2, с. 109]. Это самый сложный в искоренении вид деформации правосознания. Он требует комплексных действий органов государственной власти и образовательных учреждений. Но основная роль отводится первым. Именно неизбежность наказания за совершённые правонарушения будет ярким примером действенности нормативно-правовых актов на практике.

Самой тяжелой формой деформации правосознания граждан можно считать процесс его перерождения. В этом случае, происходит полное искажение правовых реалий, непонимание правовой действительности, потеря нравственных, культурных, правовых ориентиров, замена их криминальными установками. Перерождение правосознания присуще для лиц, которые связали себя с преступностью, стали на противоправный путь. По нашему мнению, данное явление, в большинстве случаев, является необратимым. Человеку, переступившему грань законности, сложно выбрать правильный путь, правильную модель поведения. Процесс перерождения правосознания проще предотвратить, чем искоренить его из общества.

Ведущими способами закрепления и становления демократического правосознания в Украине считаются правовое образование как единая, целостная государственная система воздействия на правовые установки людей и общее развитие демократии во всех ее проявлениях на всех уровнях социальной жизни. Одной из форм правового сознания всех членов общества и молодежи является правовое воспитание. С целью искоренения всевозможных деформаций правосознания, а также для повышения значения правового

сознания нашего народа, нужно целенаправленно воплощать общегосударственные программы обязательного правового обучения и воспитания среди всех слоев населения, на всех уровнях образовательной системы.

Таким образом, уровень правового сознания граждан Украины в настоящее время требует значительного повышения и доведения в ближайшей перспективе до уровня правового сознания демократического общества. А это предполагает совершенствование правовых норм, практики деятельности юридических институтов и правоотношений, политической оценки права, законотворческой и правоприменительной деятельности, улучшения правового воспитания. Развитие демократического общества, становление гражданского общества, характер и степень существующего правосознания на данном этапе требует реформирования всей государствообразующей системы Украины. В этом сложном процессе важно не нарушить, не деформировать правовое сознание граждан, которое является важным звеном, связывающим общество с государственным аппаратом. В последнее время мы можем наблюдать повышение общественной и правовой активности населения в попытках граждан отстаивать свои права, интересы и общественные ценности. В этой связи мы считаем, что нужно внедрять программы правового воспитания и правового образования граждан, не забывая исторических, ментальных, социально-экономических особенностей развития украинского народа. В результате мы получим правильно сформированное украинское общество с высоким уровнем правового сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пінська О. С. Деформація правової свідомості та її класифікація // Право і безпека. – 2011. – № 1. – С. 54–58.
2. Клімова Г. П. Правовий нігілізм як форма деформації правосвідомості // Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого». – 2013. – № 5. – С. 105–112.

ПЕТКОВ А. С.

ЗАКОН В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ (ФОРМ) ПРАВА:

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Аннотация. Реализация принципов современного правового общества, признающего верховенство закона, обуславливает необходимость существования хорошо обоснованной концепции источников права, которая определяет юридическую природу закона как источника права. Для обеспечения верховенства закона и его эффективного действия необходим высокий уровень юридической техники, четкость и качество языка нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: закон, верховенство закона, юридическая природа, источник права, нормативно-правовой акт.

PETKOV A. S.

LAW IN THE SYSTEM OF RIGHT SOURCES (FORMS):

LEGAL CHARACTERISTIC

Abstract. Realization of the principles of modern jural society that acknowledges supremacy of law stipulates the necessity of well-grounded conception of right sources determining the legal nature of law as a source of right. Providing the supremacy of law and its effectiveness requires a highly developed legal technique, clearness and comprehensiveness of the language of laws and regulations.

Keywords: law, supremacy of law, legal nature, right source, laws and regulations.

Несмотря на существование огромного множества научных работ, посвященных отдельным аспектам теории закона, проблема всеобщего теоретического исследования закона и его сопоставления с иными формами (источниками) права за годы существования независимой Украины еще не ставилась. Недостаточность такого исследования сказывается на эффективности достижения в Украине цели законодательной власти – урегулирования общественных отношений на уровне правового закона [9, с. 3].

Проблеме определения юридической природы закона и его места среди источников права всегда уделялось значительное внимание. Этот вопрос был предметом исследований многих ученых: С. Ф. Кечекьян, К. Аллен, С. С. Алексеев, А. Д. Градовский, М. Н. Марченко, А. В. Зайчук, Н. М. Онищенко, В. Н. Хропанюк, Ю. А. Тихомиров и др.

Следует заметить, что в юридической литературе нет единого подхода к определению понятия системы источников права. Более того, есть мнение, что в отечественной

юридической науке отсутствует общепринятое, всеми одобряемое и согласованное понятие источника права. Приведем несколько примеров позиций ученых касательно этого аспекта.

Н. Пархоменко характеризует систему источников права как органическую, комплексную, многоуровневую, динамическую и открытую систему, составные элементы которой объединены структурными связями, каждый элемент которой является самостоятельным и может быть исследован отдельно [10, с. 200]. Р. Тополевский под системой источников права понимает совокупность всех форм юридического закрепления и организационного обеспечения информации об общеобязательных правилах поведения (юридических нормах) в совокупности их взаимосвязей (генетических, структурных и функциональных), через которые объективируются нормативные предписания отрасли права, нормативные составляющие национальной или региональной (наднациональной) правовой системы или международного правопорядка [12, с. 162].

Английский ученый К. Аллен определяет источник права как деятельность, посредством которой нормы поведения приобретают характер права, становясь объективно определенными, постоянными и прежде всего обязательными, тем самым не противопоставляя «деятельность» и результат [1, с. 329]. Такой же точки зрения придерживается и С. С. Алексеев: «Акт правотворчества, который объективируется в документальном виде, – отмечает он, – является юридическим источником соответствующих юридических норм и одновременно формой их юридического официального бытия, существования» [2, с. 74].

Однако в общем виде в современной правовой системе источником (формой) права в основном признают нормативно-правовые акты. Поскольку это обусловлено как исторической, так и генетической зависимостью от римского права [3, с. 80]. Примером такого утверждения может служить точка зрения В. Шаповала, который отмечает, что формами существования любой отрасли национального права является нормативно-правовые акты, относящиеся к формальным источникам права. Эту же идею поддерживает целый ряд корифеев теории права, которые признают юридические источники (формы) официально документальными формами выражения и закрепления норм права, которые исходят от государства и придают им юридическое, общеобязательное значение [6, с. 18].

Различные авторы выделяют разное количество видов источников права. В. В. Копейчиков выделяет четыре вида источников права: нормативно-правовой акт, правовой обычай, судебный или административный прецедент и нормативный договор [5, с. 193]. О. Ф. Скаун выделяет: нормативно-правовой акт; нормативно-правовой договор (внутригосударственный); международно-правовой акт (доминирующим является договор); правовой прецедент (судебный и административный); правовой обычай; правовую доктрину

(доктринальный текст); религиозно-правовой текст (религиозно-правовая норма) [11, с. 326]. А. А. Нечитайленко выделяет три формы: правовой обычай, юридический нормативный акт и судебный или административный прецедент [8, с. 93].

До появления письменности обычай был единственным видом права. Позже появился нормативно-правовой акт, который и стал основным источником права большинства государств романо-германской правовой семьи.

Украина в этом аспекте не исключение и основным источником права в государстве является нормативно-правовой акт, который служит основанием возникновения других актов. Законными эти акты можно признать только тогда, когда они издаются на основании и в соответствии с действующими нормативно-правовыми актами. Закон регулирует все сферы общественных отношений: организацию и деятельность государственного аппарата, основы общественного строя, права и свободы граждан государства, отношения между субъектами права и т.д.

Закон как источник права характеризуется следующими признаками:

1. Субъектом принятия закона является представительный орган власти;
2. Высшая юридическая сила закона. Остальные подзаконные акты должны соответствовать и не противоречить закону;
3. Предметом регулирования являются важнейшие общественные отношения в государстве;
4. Принятие закона осуществляется по определенной процедуре. Эта процедура называется законодательным процессом;
5. Нормативность закона;
6. Невозможность отмены закона другим органом, кроме того, который его принял.

Характеризуя закон, целесообразно определить следующие его свойства:

а) это совокупность дифференцированных правовых норм, так как аппарат государства имеет многопрофильную конструкцию органов с некоторыми правотворческими полномочиями и огромным набором других функций, которые осуществляются благодаря изданию юридических актов;

б) это иерархизированная структура, потому что эта система строится на основе юридической силы разных актов;

в) это детализированные по предмету регулирования, субъектам исполнения и реализации права, указания которые находятся в источниках [6, с. 20].

Если говорить о качестве законов, то следует заметить, что закон как эффективный регулятор общественных отношений должен соответствовать определенным требованиям. В частности И.М. Овраченко выделяет такие требования: закон должен соответствовать

концепции, его содержание и форма должны быть научно обоснованными; подзаконные акты не могут подменять законы; законодатель должен проявлять и учитывать законообразующие интересы, выражать согласие всех социальных слоев общества, их толерантность; в процессе разработки законопроектов нужно умело использовать юридические средства-инструменты с целью установления на нормативном, модельном уровне прав, обязанностей, запретов, санкций, поощрений и др., то есть важно инструментально-технологически обеспечивать провозглашенные цели законов; количество законов, которые принимаются должно быть научно обоснованным; упорядочение законодательства должно происходить не только путем издания новых законов, но и внесением необходимых изменений в действующие законы; подготовка и принятие законов должны осуществляться по принципу «юридической доминанты» в системе нормативных актов – с соблюдением их иерархии, которую образуют формальные моменты (форма, а не содержание) [9, с. 11].

Следует заметить, что для обеспечения верховенства закона, его исключительности и его эффективного действия необходим высокий уровень юридической техники, четкость и качество речи законодательных актов, исключающих любые противоречия, неоднозначности [7, с. 108].

Разнообразие общественных отношений, регулирующих нормативно-правовые акты, обуславливают большое количество законов, которые можно классифицировать по следующим критериям: 1) по значению и месту в системе законодательства; 2) по сроку действия; 3) по субъектам законотворчества; 4) за пределами действия; 5) по структурной форме; 6) по отраслевому признаку; 7) по сферам общественной жизни.

Например, М. С. Кельман предлагает следующую классификацию законов:

а) по юридической силе – конституционные законы, которые закрепляют фундамент общественного и государственного строя и которые являются основанием действующего законодательства (Конституция; законы, которые вносят изменения в Конституцию, дополняют или конкретизируют положения Основного Закона); текущие законы, т.е. те, которые принимаются на основе и во исполнение конституционных законов и составляют текущее законодательство;

б) по субъектам законотворчества – законы, которые принимаются с помощью референдума; законы, которые принимаются законодательным органом государства;

в) по предмету регулирования – законы конституционные, административные, гражданские, уголовные, процессуальные и др.;

г) по характеру регулирования – органические законы, т.е. внутренне согласованные, которые имеют высокую степень нормативных обобщений и направленные на комплексное

урегулирование общественных отношений; исключительные законы, которые принимаются в исключительных ситуациях вне плана законотворческих работ;

д) по объему воздействия на субъекты – общие законы (предназначены для всех субъектов права независимо от их положения); законы социальные (предназначены для отдельных групп субъектов права), которые имеют особый статус [4].

Закон дает возможность четко сформулировать содержание прав и обязанностей, быстро довести содержание к адресатам нормы, создать условия для адекватного понимания и применения нормы, оперативно изменять или отменять норму, осуществлять систематизацию норм и упростить пользование ими [6, с. 20].

Таким образом, закон как мера охраняемого государством права является самым действенным выразителем права и его идеальной формой. Первостепенное значение закона гарантировано его безупречностью, добиться которой можно только при выполнении определенных требований к закону как к форме (источнику) права, так и к нормам права, которые формируют содержание закона. Основным требованием к качеству закона является его соответствие праву, неотчуждаемым правам человека, которые закреплены в международно-правовых документах, в принципах и нормах международного права.

ЛИТЕРАТУРА

1. Allen C. K. Precedent and Logic // The Law Quarterly Review. – 1925. – Vol. XLI. – № 163. – pp. 329–345.
2. Алексеев С. С. Теория права: учебник. – М.: БЕК, 1994. – 264 с.
3. Дуда С. М. Закон у системі джерел права романо-германської правової сім'ї // Митна справа. – 2014. – № 1(2.1). – С. 80–84.
4. Кельман М. С., Мурашин О. Г. Загальна теорія держави і права: підручник. – К.: Кондор, 2006. – 477 с.
5. Колодій А. М., Копейчиков В. В., Лисенков С. Л. Теорія держави і права. – К.: Юрінком Інтер, 2003. – 368 с.
6. Луцький Р. П. Ієрархічність правових джерел (нормативних актів) як відображення буття позитивного права // Часопис Київського університету права. – 2012. – № 2. – С. 18–21.
7. Мазурик К. З. Юридична природа закону як джерела права // Бюлетень Міністерства юстиції України. – 2012. – № 7. – С. 103–109.
8. Нечитайленко А. А. Основы теории права: учебник. – Харьков, 1998. – 198 с.
9. Овраченко І. М. Закони у системі джерел (форм) права та їх класифікація: автореф. дис... канд. юрид. наук. – Харків, 2004. – 18 с.

10. Пархоменко Н. М. Джерела права: проблеми теорії та методології: монографія. – К.: Юридична думка, 2008. – 336 с.
11. Скакун О. Ф. Теорія держави і права: підручник. – Харків: Консум, 2001. – 656 с.
12. Тополевський Р. Б. Система джерел права: поняття, види, структура // Вісник Національного університету внутрішніх справ. – 2002. – Вип. 20. – С. 162–174.
13. Шаповал В. Конституція України як форма (джерело) конституційного права України (питання теорії) // Право України. – 1999. – № 6. – С. 5–10.

ПЕТКОВА А. С.

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА: СТРУКТУРА И ПРИЗНАКИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «правовая система». Анализируются структура и признаки правовой системы, составляющие ее качественную характеристику.

Ключевые слова: правовая система, структура правовой системы, признак правовой системы.

PETKOVA A. S.

LEGAL SYSTEM: STRUCTURE AND CHARACTERISTICS

Abstract. The article considers the concept of legal system. The author analyzes the structure and features of legal system that constitute its qualitative characteristics.

Keywords: legal system, structure of legal system, feature of legal system.

Понятие «система» употребляется в разнообразных науках, в том числе и в правоведении. Данная правовая категория является стержневой в теории государства и права, сравнительном правоведении, международном праве и, соответственно, в их рамках приобретает свою специфику.

Понимание правовой системы является весьма спорной в правовой науке. Данной проблемой занимаются многие ученые, с чем и связано разнообразие подходов к пониманию этой правовой категории. Дискуссия, связанная с оценкой вероятности использования термина «правовая система», анализом соотношения ее с системой права и государства, и даже о применимости критериев системности к описанию права и иных правовых явлений, находится в поле зрения науки еще с 60-х годов XX века, а различные аспекты данной проблемы нашли отражение в трудах многих ученых [2, с. 56].

Термин «система» (от греч. *systema*) означает нечто единое, составленное из частей. Он употребляется во всех областях знания, в том числе и в правоведении. В научном плане понятием «система» охватывается целое множество компонентов, взаимосвязанных между собой, связанных внутренними связями и взаимоотношениями. При этом учитываются определенные признаки, прежде всего, наличие элементов числом более одного и то, чтобы взаимосвязи, отношения между ними характеризовались конкретным качественным свойством [6, с. 45].

По мнению Н. И. Матузова, правовая система – это совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических средств (явлений), с помощью которых публичная власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей и их

объединений (закрепление, регулирование, дозволение, обвязывание, запрещение, убеждение и принуждение, стимулирование и ограничение, превенция, санкции, ответственность и т.д.) [8, с. 93]. Так, В.С. Жеребкин дает следующее определение: «правовая система – это набор или совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих в направлении определенных целей частей, т.е. подсистем элементов, которая формирует целое правовое образование и имеет характерные системе, интеграционные свойства, признаки самоуправляемости и информационной направленности» [5, с. 62].

По мнению С. С. Алексеева, правовая система – это понятие, которое на основании юридических норм, в цельности и взаимосвязи охватывает все конститутивные элементы правовой действительности и определяет общую конструкцию действующего права в том или ином государстве [1, с. 65–66]. О. Ф. Скакун предлагает следующую дефиницию: «правовая система» – это обусловленный объективными закономерностями развития общества целостный комплекс взаимозависимых и согласованных специальных и общих средств правового воздействия на общественные отношения, который непрерывно воспроизводится и применяется людьми, их организациями (в том числе государством) как субъектами права для достижения частных и публичных интересов, обеспечения правопорядка» [11, с. 300].

В доктрине права понятие «правовая система» рассматривается в узком и широком смысле. В узком значении правовую систему рассматривают лишь в контексте разных форм внешнего проявления и закрепления правовых норм, а также их взаимодействия. Так, по мнению Ю. Тихомирова правовая система – это «структурно и функционально упорядоченный массив взаимозависимых нормативно-правовых актов, учреждаемых и действующих на основе единых принципов». В данном осмыслении понятие «правовой системы» существует как «базовое юридическое понятие, которое охватывает все правовые акты и их связи в национально-государственном масштабе» [13, с. 211-212]. Ценность понятия «правовая система» заключается в том, что она предоставляет большие возможности для комплексного анализа всей правовой сферы общества. Концепция правовой системы позволяет раскрыть единство разных сторон правовой действительности и теснейшим образом соединить теорию права и юридическую практику. М. Колодий, который является сторонником широкого понимания правовой системы, отмечает, что «правовая система – это совокупность всех взаимосвязанных материальных и нематериальных, объективных и субъективных, статических и динамических правовых явлений, которые функционируют в обществе по поводу создания, реализации и охраны права [7, с. 24].

По нашему мнению, правильным является именно «широкий подход», так как он более адекватно и полно характеризует всю правовую организацию общества в его целостности и взаимосвязи всех составных элементов.

Понятие «правовая система» в доктрине права применяется, во-первых, для обозначения национальной правовой системы, которая отображает исторические, политические, экономические, культурные особенности, целостность правовой системы, содержит собственную специфику, структуру, цель и т.д., считается одним из проявлений суверенитета государства. Во-вторых, традиционным в теории права является понимание правовой системы как государственно-правовой [14, с. 253].

Существенность (значимость) правовой системы заключается в том, что она отображает баланс интересов различных общественных групп, классов общества. Эти интересы получают отображение в праве, законодательстве и иных составных системы в виде государственной воли, которая сочетает возможность императивного принуждения к надлежащему поведению и наказание нарушителей юридических предписаний. Правовая система считается необходимым стабилизирующим и организующим моментом [9, с. 9].

Как и любое явление, правовой системе присущи ряд признаков, которые в свою очередь составляют ее качественную характеристику:

1) важнейшим элементом любого гражданского общества является именно правовая система. Ее возникновение, развитие связано с политической и экономической системами общества;

2) правовую систему возможно квалифицировать как сложноорганизованную систему;

3) правовой системе присуща не только дифференциальность ее составных элементов, но и единство. То есть комплекс внутренне согласованных, взаимосвязанных и взаимодействующих правовых явлений, процессов, которые предполагают собой органическое целостное образование;

4) Она считается важной составляющей государственного суверенитета, которая обладает конкретной автономностью и «суверенностью» [3, с. 15];

5) переводит нормативно-правовые предписания в реальное поведение личности, группы, общества;

6) обладает собственной структурной упорядоченностью – представляет собой целостную систему взаимосвязанных, согласованных и тесно взаимодействующих правовых средств и явлений;

7) является динамической системой, которая предназначена для достижения субъектом права собственных целей и обеспечения правопорядка в обществе [10, с. 134].

В правовой системе следует усматривать общественное, конкретно-историческое и политическое содержание. Именно поэтому в рамках общей теории права правовую систему понимают как одну из подсистем общества наряду с экономической, политической, религиозной и т.д. Правовую систему следует исследовать во взаимосвязи с внешней средой, со всеми социальными факторами, которые определяют ее развитие и функционирование. Поэтому правовая система является категорией сравнительного правоведения.

При формировании такой правовой категории как «система права» следует акцентировать внимание на элементном составе (компонентах) этого явления, относительно которого нет единого мнения.

Структура правовой системы – это стойкое единство и связь между элементами, которые получают свое проявление через определенное взаимодействие. Элементами правовой системы является все то, что необходимо для правового регулирования.

По мнению Ю.А. Тихомирова, в структуру правовой системы входят четыре группы элементов:

а) правопонимание, правовые взгляды, правосознание, правовая культура, правовые теории и концепции, правовой нигилизм;

б) правотворчество как определяющий и процессуально оформленный способ подготовки и принятия законов и других правовых актов;

в) правовой массив – включает в себя структурно оформленную совокупность официально принятых и взаимосвязанных актов;

г) правоприменение, представляющее собой способы реализации правовых актов и обеспечение законности [12, с. 6].

М. ванн де Каршов и Ф. Ост выделяют следующие элементы структуры правовой системы:

1) правовые нормы (актуальная, коммуникативная норма права как реальное поведение субъектов);

2) институты;

3) отрасли права (их связи, иерархия, функции);

4) основополагающие принципы;

5) идеи;

6) правовые ценности (ментальные проявления, определяющие содержание и характеристику правовой системы) [4, с. 174-175].

Таким образом, правовая система – это комплекс правовых явлений и процессов, которые формируются вследствие их взаимодействия и взаимосвязи, характеризующий

юридическое влияние на общественную жизнь. Она является частью гражданского общества, которая призвана регулировать сформировавшиеся общественные отношения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С. С. Общая теория права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК «Велби», 2008. – 576 с.
2. Большунов М. А. К вопросу о понятии правовой системы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2011. – № 1. – С. 56–65.
3. Гайдидей Ю. М. Правовая система: понятие и признаки // Юридическая наука. – 2014. – № 3. – С. 13–15.
4. Гальперина П. Л. Понятие правовой системы в контексте теории правового аутопойезиса // Правоведение. – 2005. – № 6. – С. 160–179.
5. Жеребкин В. С. Противоречия при социализме и право. – Владимир, 1972. – 62 с.
6. Кожевников С. Н. Правовая система и право // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2000. – № 1. – С. 45–55.
7. Колодій А. М. Конституція і розвиток принципів права України (Методологічні питання): автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – К., 1999. – 36 с.
8. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. – 512 с.
9. Онищенко Н., Зайчук О., Журавский В. Правовая система – интегративная категория правовой науки // Право Украины. – 2013. – № 1. – С. 7–26.
10. Поцелуев Е. Л. Понятие, признаки и структура правовой системы в российской и зарубежной юридической науке // Університетські наукові записки. – 2012. – № 1. – С. 130–138.
11. Скаун О. Ф. Теорія держави і права (Енциклопедичний курс): підручник. – Харків: Еспада, 2006. – 776 с.
12. Тихомиров Ю. А. Право: национальное, международное, сравнительное // Государство и право. – 1999. – № 8. – С. 5–12.
13. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. – М.: БЕК, 1995. – 496 с.
14. Удовика Л. Теоретико-правовая конструкция понятия правовая система // Закон и жизнь. – 2013. – № 8/3. – С. 251–255.

РОМАЙКИН И. А.

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматриваются подходы к определению понятия государственности. Обращается внимание на его идейно-смысловое содержание. Дается авторская трактовка государственности.

Ключевые слова: государство, государственность, духовно-культурное единство, верховная власть.

ROMAYKIN I. A.

ON DEFINING OF THE CONCEPT OF STATEHOOD

Abstract. The article considers the approaches to the concept of statehood. The study focuses on the idea and semantic content of the concept. The author presents his own interpretation of statehood.

Keywords: state, statehood, spiritual and cultural unity, supreme power.

Понятие государственности в настоящее время известно широко и используется в самых разных контекстах и смыслах, в политических, культурологических, исторических и юридических работах. Мнений же о целесообразности использования самого понятия государственности также очень много.

Впервые термин «государственность» использовал М. А. Бакунин в своей статье «Государственность и анархия (борьба двух партий в интернациональном сообществе рабочих)». «В ней он, правда, отождествил понятия «государство» и «государственность», используя последнее как обобщение для существующих государственных режимов и обещанной социалистами революционной диктатуры. Поскольку его работа затрагивала вопросы международного рабочего движения и была переведена практически на все европейские языки, постольку переводы термина ... надолго вошли в политический и государствоведческий оборот в качестве синонима понятия «государство» [1, с. 97–99].

В 1905 году вышел в свет труд известного философа и публициста Л. А. Тихомирова «Монархическая государственность», в котором автор дал глубокий анализ и разбор происхождения и сущности монархического устройства государства: «Несмотря на тысячелетние наблюдения различных проявлений государственности, несмотря на то, что определения ее делались иногда умами чрезвычайной проницательности и точности, содержание государственности оставляет и до сих пор место для различных толкований и споров. Сложные категории явлений всегда трудно разграничивать» [2, с. 53].

Тихомиров рассматривал государственность в связи с пониманием государства, его признаков и верховной власти. «Наиболее бесспорную черту государственности составляет сознательность и преднамеренность творчества, и затем присутствие власти и принуждения. Обе черты тесно между собой связаны» [2, с. 53].

«Для уяснения содержания государственности, – продолжает Тихомиров, – по существу, необходимо принять во внимание, что такое представляет коллективность, называемая государством, и чем она отличается от других коллективностей» [2, с. 54]. Приводя признаки государства, выделяемые Блюнчли и Чичериным, Тихомиров высказывает свою неудовлетворенность ими, поскольку «за этими внешними признаками скрывается нечто, имеющее более глубокое внутреннее значение» [2, с. 55].

Идея государственного союза, по его мнению, содержит требование общечеловеческого, всемирного существования не в количественном, а в качественном смысле. Поэтому он и определял государство как «союз членов социальных групп, основанный на общечеловеческом принципе справедливости, под соответствующей ему верховной властью» [2, с. 57]. Отсюда в государстве выделяются два необходимых элемента: союз людей, расслоенных по социальным группам и верховная власть. «Правильный анализ государственности есть именно анализ отношений этих двух элементов» [2, с. 57], – заключает Тихомиров.

В 1968 году Дж. П. Неттл ввел в научный оборот понятие «stateness», которое «хотя и переводится на русский язык как «государственность», означает способность государства осуществлять свои функции» [1, с. 97].

Введение Неттлом понятия государственности привело к созданию концепций, в которых государственность понимается как явление, лишь частично связанное с государством. «С точки зрения Дж. Линца и А. Степана, государственность – состояние признания гражданами принадлежности к своему государству, связи с ним (такая трактовка государственности была дана еще Л. Тихомировым)» [1, с. 97-99].

Таким образом, сегодня существует три подхода к пониманию государственности: первый – функциональный (степень готовности государства к реализации своих функций), второй – психологический (степень признания государства народом), третий – этатический (государственность фактически совпадает с государством или охватывает общественные явления, связанные с ним) [1, с. 99].

Как мы сказали ранее, на сегодняшний день существуют самые разнообразные трактовки государственности, и каждый автор вносит в это понятие собственный набор признаков и свойств. Преимущественно в содержание понятия государственности включают государство как центральное звено этого понятия, экономический строй общества, его

социальную и духовно-нравственную (или духовно-культурная) организацию.

Некоторые ученые рассматривают государственность как совокупность атрибутивных свойств государства, которые получают правовое воплощение в юридических нормах, в частности, в конституционных, которые, оформляя государственность, представляют собой отвлеченный юридический образ государства [3, с. 1823–1830].

Но если государственность в чем-то и воплощается, то никак не в юридических нормах. В этой связи интересно мнение А. С. Шабурова. Он утверждает, что государственность – это качественное состояние государственно-организованного общества, определяемое устойчивостью и преемственностью конкретных исторических, национальных, культурологических и иных факторов, при этом подчеркивая, что государственность не идентична государству. Государственность, по мнению автора, является качественной характеристикой общества, величина его территории, численность населения и другие количественные показатели на государственность не влияют [4, с. 12–15].

В частности, он пишет: «Государственность не идентична государству и не сводится к нему. Государство – это основной компонент государственности, отражающий ее внешнее состояние. Государственность – качественная характеристика общества. Территория, население и другие количественные показатели не характеризуют государственность. Государственность определяется стабильностью, неизменностью, традиционным сохранением и развитием отдельных качеств. Разумеется, государственность – это не абстрактное понятие. Она выражается в конкретных государственно-правовых формах, в которых проявляются традиции и особенности, влияющие на различные стороны государственности, позволяющие ее характеризовать как конкретную государственность» [7, с. 9–11].

С А. С. Шабуровым выражает согласие О. В. Войтенко, говоря о том, что «как и понятия «законность» и «упорядоченность», производные соответственно от терминов «закон» и «порядок», характеризуют качественную характеристику определенного состояния, так и государственность обозначает качественную характеристику государственно-организованного общества, его существования и деятельности» [8, с. 16].

Еще в конце позапрошлого столетия Ф. Ф. Мартенс писал: «Государство не есть измышление праздного ума ... оно является органическим общением и правильным строем, одаренным свободой воли и воодушевленным сознанием своей самостоятельности и индивидуальности...» [4, с. 8–9], т.е. оно не может возникнуть там, где нет условий или предпосылок для своего появления (создания).

Здесь нам опять стоит вспомнить Л. А. Тихомирова, чей взгляд на государственность так подробно был описан в начале. Он писал: «Должно обратить внимание на то, что в

государственный союз вступают не просто люди отдельные, изолированные, не имеющие других интересов, кроме государственных... Государственный интерес может явиться только у людей, уже предварительно соединившихся в более элементарные социальные группы и здесь получивших некоторые интересы, требующие согласования и охранения... Этот – то социальный фундамент для государства и представляет нация, т.е. народ или совокупность племен... тут имеют уже значение и территория, географические условия, условия труда, язык, верования, исторические условия и т.д.» [2, с. 56]. В итоге он отмечает: «в государстве мы осуществляем ... условия существования общечеловеческого» [2, с. 57]. Другими словами, государство может вызревать и появиться только на развитой исторической, культурной и духовной почве народа.

В этой связи государственность – есть определенный уровень развития общества (или народа), характеризующийся духовно-культурным единством этого народа, его возможностью и готовностью образовать государство. Поэтому говорят, что, к примеру, такое-то племя обладало всеми признаками государственности, и было способно создать государство.

Данная точка зрения находит подтверждение в теории государства и права: «... как показывает тот же исторический опыт, процесс возникновения государства обусловлен теми изменениями, которые происходят внутри общества, а потому государство нельзя навязать какому-либо народу, если отсутствуют объективные внутренние предпосылки» [6, с. 94].

После создания государства государственность остается идейным воплощением государственного единства. Идейным потому, что в основании всякой государственности лежат определенные идеи, нередко даже целое идейное наследие. К примеру: всем известно, что в основании государственности стран Западной Европы лежат античные культурные традиции (т.е. античные представления о государстве, законах, общественной жизни и прочем, которые были восприняты западно-славянскими племенами, трансформированы и положены в идейную основу их государств. Пример – идеи демократии).

Таким образом, государственность и предшествует государству, и завершает его оформление (в духовно-идейном отношении). Государственность тогда выступает внутренним содержанием государства. Мы видим, что если рассматривать категорию государственности под таким углом зрения, то она действительно приобретает глубокое смысловое содержание, поэтому автор настоящей статьи полагает, что его взгляд тоже имеет право на существование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белканов Е. А. К вопросу о понятии «государственность» // Российский юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 97–99.
2. Тихомиров Л. А. Монархическая государственность / сост., авт. вступ. ст. и коммент. А. В. Репников. – М.: РОССПЭН, 2010. – 752 с.
3. Ким Ю. В. К вопросу о понятии государственности // Право и политика. – 2008. – № 8. – С. 1823–1830.
4. Смыкалин А. С. Проблемы российской государственности в юридической и исторической науках: понятие, подходы, периодизация // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 12–15.
5. Мартенс Ф. Ф. О консулах и консульской юрисдикции на Востоке. – СПб.: Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1873. – 612 с.
6. Теория государства и права: учебник для бакалавров / под ред. А. С. Пиголкина, Ю. А. Дмитриева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. – 761 с.
7. Шабуров А. С. Российское государство и российская государственность: проблемы соотношения и историческое развитие // Российский юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 9–11.
8. Войтенко О. В. Государство, государственное образование, государственность (теоретико-методологический анализ их соотношения): автореф. дисс... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 18 с.

ФЕДЮШКИНА А. И, ВОЛКОВ С. Ю.

**ХРИСТИАН ТОМАЗИУС КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ШКОЛЫ
«ЧИСТОГО ЕСТЕСТВЕННОГО ПРАВА»**

Аннотация. В статье представлен краткий анализ правовой доктрины знаменитого немецкого мыслителя Христиана Томазиуса. Исследуется преемственность его концепции в рамках школы «чистого естественного права» со взглядами великих предшественников – Гуго Гроция и Самуэля Пуфендорфа. Выделяются оригинальные достижения и творческие находки Христиана Томазиуса.

Ключевые слова: Христиан Томазиус, «чистое естественное право».

FEDYUSHKINA A. I., VOLKOV S. YU.

**CHRISTIAN THOMASIVS AS A REPRESENTATIVE
OF SCHOOL OF "PURE NATURAL LAW"**

Abstract. The article presents a brief analysis of the legal doctrine of the famous German philosopher Christian Thomasius. In this connection, the continuity of his doctrine within the school of "pure natural law" is studied. Particularly, the views of his great predecessors, Hugo Grotius and Samuel Pufendorf, are considered. The authors focus on the achievements and original creative findings of Christian Thomasius.

Keywords: Christian Thomasius, "pure natural law".

Ученые, занимающиеся правовыми исследованиями, а в особенности те из них, которые обращают свой взгляд на историю и философию права, неизбежно сталкиваются с необходимостью определения понятия права и отграничения его от смежных нормативных систем, таких как нравственность, религия, мораль. Вопрос о природе права является краеугольным камнем всех теоретических исследований в области юриспруденции, он является первостепенным при построении любых рассуждений о правовых нормах и без ответа на него невозможно выстроить прочное здание непротиворечивой научной гипотезы, и тем более создать лаконичную и убедительную научную теорию. В связи с этим представляется необходимым обращение не только к современным концепциям правопонимания, широко разрабатываемым в российской и зарубежной науке, но и к истории формирования правовых идей.

В данном контексте интерес авторов привлекло творчество европейских мыслителей XVII – начала XVIII вв., представителей «школы чистого естественного права»: Гуго Гроция, Самуэля Пуфендорфа, Христиана Томазиуса. Представители данного направления внесли огромный вклад в историю правовой мысли, подняв на новый уровень идею естественного

права, возникшую еще в античные времена. Классики школы «чистого естественного права» признавали разумную природу человека, а не «божественную волю» высшим ориентиром в делах государства и мирового сообщества. Естественное право («вытекающее из самой природы») данные мыслители стремились отграничить от позитивного права («возникшего путем установления»). Позитивное право отличается изменчивостью во времени и пространстве, лишь неизменное естественное право, послужившее фундаментом всех остальных законов, тождественно само себе и придает целостность всей научной юридической системе [1, с. 98].

Данная статья посвящена творчеству Христиана Томазиуса (1655-1728). В европейской правовой науке изучению его работ и личности посвящено значительное количество статей и монографий [2; 3; 4]. Отечественной правовой науке жизнь и творчество Томазиуса (который нередко именуется в русскоязычной литературе Христианом Томазием) известны гораздо меньше. Его имя упоминается в классических учебниках по истории политических и правовых учений, где его идеям отводится обычно небольшой абзац между Пуфендорфом и Лейбницем. Специальные исследования ограничиваются изучением двух крайне узких, и, по нашему мнению, далеко не самых ярких, аспектов его творчества – взаимосвязи права и морали [5] и проблеме свободы [6]. Кроме того, сочинения самого Томазиуса доступны нам только на немецком и латинском языках, ни одна из его работ на русский язык до сих пор не переведена.

Таким образом, в настоящее время на русском языке не существует обширных специальных исследований по вышеозначенной проблеме. Более того, изученная нами пространная немецкая историография позволяет утверждать, что роль Христиана Томазиуса в изменении немецкой юридической практики конца XVII в. и его влияние на развитие философско-правовых идей также не нашли должного отражения в научной литературе. Довольно многочисленные немецкие исследования идей Томазиуса носят в подавляющем большинстве узконаправленный характер. Они связаны лишь с отдельными аспектами его творчества, рассматривая их на теоретическом уровне и в сравнении с другими идеями мыслителей данной эпохи, то есть игнорируя их глубокое практическое значение.

Однако Христиан Томазиус является примером выдающейся личности своего времени, истинного деятеля эпохи Просвещения. Европейской науке Томазиус знаком как первый из немецких философов, начавших писать и выступать с лекциями на немецком языке вместо традиционной академической латыни. Он внес существенный вклад в изменение общественного мнения на процессы по делам о колдовстве (“*De crimine magiae*”, 1701) и во многом способствовал официальному запрещению охоты на ведьм в Германии. Творческое наследие Томазиуса отличается разносторонностью: в сферу его интересов входили

проблемы философии (“Ausübung der Vernunft-Lehre”, 1691; “Versuch vom Wesen des Geistes”, 1699), вопросы права (“Lehrbuch des Naturrechtes”, 1687; “Institutionis Iurisprudentiae Divinae”, 1688; “Fundamenta iuris naturae et gentium”, 1705), преподавания юриспруденции (“Summarischer Entwurf deren Grundregeln, die einem studioso juris zu wissen und auf Universitäten zu lehren nöthig”, 1699) и даже журналистики (журнал “Monatsgespräche”, 1688-1690) [7].

Вклад Томазиуса в историю юридической науки и философии права состоит в том, что ему удалось своими действиями изменить сложившуюся на протяжении предшествующих веков общественную практику. Несмотря на то, что его теоретические разработки и философские изыскания не отличались особым новаторством (здесь он идет по стопам своего учителя Пуфендорфа и остается в тени славы своего великого современника – Лейбница), для историков Томазиус навсегда останется человеком, преодолевшим вековые схоластические порядки.

Наиболее значимыми для современников являются его идеи в области естественного права. Они отражены во всех работах Х. Томазиуса и являются исходным началом его мировоззрения. Основные взгляды по этому вопросу изложены им в двух больших работах “Institutionis Iurisprudentiae Divinae” (1688 г.) и “Fundamenta Iuris naturae et gentium” (1705 г.). Критики творчества Томазиуса отмечают, что здесь он в точности повторяет идеи Гроция и Пуфендорфа, не проявляя при этом самостоятельности и просто перелагая их на новый лад [8; 9]. Отмечая колоссальное значение идей Гроция и особенно Пуфендорфа, с которым Томазиус был лично знаком и вел продолжительную переписку, мы все же не можем согласиться с отсутствием индивидуального творческого вклада Томазиуса в развитие данной концепции. На протяжении почти тысячи страниц Томазиус подробно и последовательно излагает основные постулаты теории естественного права, развивая и дополняя некоторые мысли, высказанные Пуфендорфом, и выдвигая новые оригинальные идеи.

Отправной точкой рассуждений Томазиуса является идея о естественном законе. Все законы он делит на два вида: божественные позитивные («откровение») и естественные, которые также происходят от Бога. Критерием деления является их непосредственный источник: «Законы разделяются по основанию, из которого они проистекают (principio cognoscendi); в естественном законе этим основанием является *разум*, но в божественном позитивном законе – божественное откровение» [10, S. 65]. Таким образом, несмотря на то, что основным источником естественного права у Томазиуса является божественная воля, разум выступает главным критерием, на основании которого может быть установлено содержание естественного закона. Поскольку Бог наделил человека способностью разумно мыслить, то на основании своего разума человек способен определить, что предписал ему

делать Бог: «Из природы вытекает, что Бог желал, чтобы человек был разумным и исходя из этого хотел подчинить свои поступки одному общему руководящему началу, из чего следует... что Бог хотел потребовать совершения таких поступков, которые разумная природа (человека – авт.) считает необходимыми, и запретить совершение тех, которые ей противоречат» [10, S. 67]. Однако, делает оговорку Томазиус, действие человека согласуется с разумом только в том случае, если оно само по себе требуется для сохранения мира и спокойствия человеческого рода, когда же оно их нарушает, оно противоречит разумной природе человека и, соответственно, естественному закону [Ibidem].

Эту мысль он развивает и далее, рассматривая обязанности человека по отношению к самому себе (часть 2 книги 1 “Institutionis”). Он выводит следующее общее требование: «стремись вести себя так, чтобы ты мог устанавливать общий порядок человеческого рода». Следовательно, по словам Томазиуса, в своем поведении человек должен использовать такие средства своего поведения, которые, согласно предписаниям человеческого общества, вызваны необходимостью. Те же средства, которые нарушают сами по себе общий порядок человеческого рода, человек для сохранения своей жизни использовать не может. Наконец, те средства, которые порядок человеческого рода и не нарушают, и не являются для него необходимо требуемыми, человек в силу естественного права, если божественное право не предусматривает иного, может использовать или не использовать [10, S. 67].

Таким образом, размышления Томазиуса о естественном законе и о природе человека вылились в прообраз категорического императива Канта («поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы стать всеобщим законом»), сформулированного немецким философом только в 1785 г. В дальнейшем Томазиус в своих сочинениях, особенно в “Fundamenta”, очень много внимания уделяет именно нравственной философии, рассматривая вопросы соотношения воли души и тела, души и разума, рассматривая различные человеческие страсти в их взаимовлиянии, и эти его размышления базируются на идее естественного закона. Для нас особенно интересным является то, что все упомянутые выше вопросы рассматриваются им с позиций рационализма. Божественная воля для Томазиуса уже не является определяющей, контролирующей все силой, она выступает только в качестве первоисточника, перводвигателя. В остальном Томазиус признает за человеком свободу воли и свободу выбора того или иного варианта поведения. Подобный взгляд на проблему отражает принадлежность Томазиуса к новой парадигме научного мышления, к философии рационализма, навсегда отделившейся от схоластической традиции Средневековья и утвердившей взгляды мыслителей Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроций Г. О праве войны и мира. – М.: Госполитиздат, 1956. – 868 с.
2. Keyser R. Christian Thomasius und der Pietismus. – Hamburg, 1900. – 40 S.
3. Fleischmann M. Christian Thomasius: Leben und Lebenswerk. – Aalen: Scientia, 1979. – 568 S.
4. Kühnel M. Das politische Denken von Christian Thomasius. Staat, Gesellschaft, Bürger. – Berlin: Duncker & Humblot, 2001. – 404 S.
5. Деев Н. Н. Разграничение права и морали в естественно-правовом учении Христиана Томазия // Проблемы государства и права на современном этапе. Труды научных сотрудников и аспирантов. – 1974. – Вып. 8. – С. 55–63.
6. Баскин Ю. Я. Проблема свободы в философии права Христиана Томазия // Правоведение. – 1999. – № 2. – С. 34–38.
7. Федюшкина А. И. Начала естественного права в работах Христиана Томазиуса // История государства и права. – 2015. – № 7. – С. 14–19.
8. Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права. Учения Нового времени. XVI-XIX вв. – М.: Высшая школа, 2011. – 352 с.
9. Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 2. – СПб.: Издательство РХГА, 2008. – 752 с.
10. Thomasii Christian Drey Bücher der Göttlichen Rechtsgelahrheit, Halle im Magdeburgischen: Renger, 1709. – 162 S.